

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА «ГОЛОС МОНСТРА»

ПОСТУПЬ
ХАОСА

ПАТРИК
НЕСС

ДВАЖДЫ ЛАУРЕАТ МЕДАЛИ КАРНЕГИ

Патрик Несс

Поступь хаоса

Серия «Поступь хаоса», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62888812
Поступь хаоса. Книга первая / Патрик Несс: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-115980-1

Аннотация

Планета Новый свет могла стать раем для тех, кто не нашел счастья в старом мире. Но все надежды разрушил неизвестный вирус. Среди поселенцев не осталось ни одной женщины, а уцелевшие мужчины начали слышать мысли друг друга. Так появился Шум, который был наполнен мыслями и воспоминаниями каждого человека.

Тодд Хьюитт – единственный подросток в единственном на планете городе Прентисстаун. Однажды Тодд находит место абсолютной тишины, где неожиданно встречает Виолу. Как ей удалось выжить и почему вокруг нее тишина?

В поисках правды о Новом свете Тодд вынужден бежать вместе с Виолой и преданным псом Мэнчи. Но как спастись от погони, когда преследователи слышат каждую мысль?

В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Больше интересных фактов о вселенной Патрика Несса читайте в [ЛитРес: Журнале](#)

Содержание

Часть I	5
1	5
2	22
3	37
4	49
5	60
6	69
Часть II	79
7	79
8	91
9	99
10	109
11	122
12	134
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Патрик Несс

Поступь хаоса.

Книга первая

Patrick Ness

The Knife of Never Letting Go

Text © 2008, 2009 Patrick Ness

Cover Design © 2018 Walker Books Ltd.

© Осипов А., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2020

Посвящается Мишель Касс

*Умей мы по – настоящему видеть и
чувствовать обычную человеческую жизнь, это
было бы как слышать рост травы и биение
белчьего сердечка. Шум и рев, лежащие по ту
сторону безмолвия, свели бы нас в могилу.
Джордж Элиот «Миддлмарч»*

Часть I

1

Прореха в шуме

Первое, што понимаешь, узнав, што твоя собака умеет говорить, – это што сказать ей, в общем-то, нечего. Ни на какую тему.

– Тодд, хочу какать.

– Заткнись, Мэнчи.

– Какать. Какать, Тодд.

– Я кому сказал, *заткнись*.

Мы бредем по невозделанным полям к юго-востоку от города – по тем, што полого катятся вниз, к реке, и дальше – к болоту. Бен сказал, штобы я набрал ему болотных яблок, и заставил взять Мэнчи с собой, хоть всем известно, што Киллиан купил его, только штобы потрафить мэру Прентиссу, и вот те нате, совершенно новая собака, в подарок мне на день рожденья о прошлом годе, хотя я ни в жизнь никому не говорил, што хочу какую-то там собаку, а говорил как раз, штобы Киллиан наконец починил делебайк и мне не надо было таскаться во все богом забытые места этого идиотского города на своих двоих, но нет, Тодд, с днем рожденья, Тодд,

на тебе щеночка, совершенно нового, и хотя он тебе нахрен не сдался и ты его вовсе не хотел и не просил, угадай, кто теперь будет кормить его, и дрессировать, и купать, и гулять, а теперь еще и слушать его бред, когда он достаточно подрос, чтобы чертов болтливый микроб шевелил его челюстями? Ага, угадай! И смотри не ошибись.

– Кака, – тихо бурчит Мэнчи себе под нос. – Кака, кака, кака.

– Иди уже, покажи и прекрати про это трепаться!

Я сорвал длинную травяную метелку с обочины и сделал вид, што сейчас его вытяну по спине. Я его не достал, даже не собирался, но он захохотал этим своим лающим смешком и припустил дальше по тропинке. Я потопал следом, хлеща хлестуном направо и налево, щурясь на солнце и стараясь ни о чем вообще не думать.

Никаких болотных яблок нам на самом деле не натъ. Если Бену их так уж охота, он может купить сколько угодно в лавке мистера Фелпса. Да и немужское это дело шляться на болота за яблоками, потомуш мужчинам бездельничать не полагается. Хотя *официально* мне еще тридцать дней до мужины. Я уже прожил на этом свете двенадцать лет, по тринадцать долгих месяцев каждое, и еще к ним двенадцать месяцев вдобавок, и все это житие означает, што до большого дня мне еще один цельный месяц. Планы уже планируют и приготовления готовят, надо думать, будет большая вечеринка, хоть у меня о ней уже какие-то странные фанта-

зии в голове роятся, сплошь и мрачные, и радужные разом, но как бы там ни было, а я буду мужчиной, и ходить за яб-локами на болота – решительно не дело для мужчины... или даже почти-мужчины.

Зато Бен знает, што может попросить меня сходить, и я как миленький пойду, потомуш болото – единственное место в окрестностях Прентисстауна, где ты можеш типа хоть наполовину отдохнуть от всего этого Шума, што мужики изрыгают, от нескончаемого грома и гама, который не смолкает, даже когда они спят – мужики и их мысли, которые они думают, сами того не зная, – даже когда всякому слышно. Мужчины и Шум. Ума не приложу, как они вообще друг друга выносят.

Шумные твари эти мужчины.

– Белка! – заорал внезапно Мэнчи и ломанулс прочь.

Соскочил с тропы, хоть я на него обкричись, и пришлось тоже, следом (оглянувшись, нет ли кого поблизости), через эти *чертовы* поля, потомуш с Киллианом припадок случитсся, если Мэнчи провалитсся в какую-нить змеиную нору, и конечно, это будет моя *чертова* вина, хотя я ни в жизнь не хотел эту *чертову* собаку, если уж на то, *черт его раздери совсем*, пошло.

– Мэнчи! А ну ко мне!

– Белка!!!

Пришлось продираться чрез траву, на ботинки налипла рянь. Одну я пинком сбросил, но она лопнула и оставила зе-

ленное пятно, которые потом нипочем не сходят.

– Мэнчи! – вызверился я.

– Белка-белка-белка!

Псина заливалась на дерево, а по стволу вверх и вниз, дразня его, сновала белка.

Давай, Вертун, говорил ее Шум. *Давай – поймай, давай – поймай. Вертун, Вертун, Вертун.*

– Белка, Тодд, белка!

Какие же все-таки звери тупые.

Я сгреб Мэнчи за шкирман и хорошенько приложил по заднице.

– Ой, Тодд? Ой?

Я еще разок врезал ему.

– Ой? Тодд?

– К ноге! – прорычал я.

Мой собственный Шум бесновался так громко, што я едва слышал собственные мысли, – о чем вскорости пожалею, попомните мое слово.

Вертун – малец, Вертун – малец, думала уже в мой адрес белка. *Давай – поймай, Вертун – малец.*

– И ты тоже ешь отсюда, – сказал я ей, хотя «есть», конечно, не сказал.

Я сказал то, вместо чего тут написано «есть».

Вот што мне стоило посмотреть по сторонам, а?

Потому што за спиной у меня вырос Аарон, вот прямо там встал, откуда ни возьмись, из поля, да и врезал мне поперек

физиономии, губу раскровянил своим перстнем, сначала туда, а потом с той стороны обратно, уже кулаком, по скуле, да и то спасибо, што в нос не попал, потомуш я уже падал в траву, уворачиваясь от удара, а Мэнчи я, естественно, выпустил, и тот опять кинулся за своей белкой, чуть башку себе к черту не отбрехал, предатель, а я тем временем рухнул коленками и ладонями оземь и замарался рянью... словом, весь.

Там я и остался, внизу, тяжело дыша, а Аарон возвышался надо мной, а его Шум бомбардировал меня кусками Писания и его следующей проповеди, и...

Следи за языком молодой Todd и избрал себе жертву и святой следит путь свой и слышит Господь и еще вал картинок, какие у всякого в Шуме есть, и мельком...

Чего?... какого богооставленного?!

Но тут выстреливает еще один громогласный кусок проповеди и затмевает все, а я гляжу вверх, Аарону в глаза, – и нет, я не хочу этого знать. Во рту вкус крови от ссаженной губы, и я не хочу, не хочу знать. Он никогда не открывался, мужчины здесь не открываются, на то у них причины есть, у мужчин, и только мы с псом... но вот он тут, стоит, а я не хочу не хочу не хочу ничего знать.

Он улыбается мне через эту свою бородищу. Сверху вниз улыбается, мне, упавшему в траву.

Эдакий улыбчивый кулак.

– Следи за языком, молодой Тодд, – говорит. – Ибо язык наш держит нас, аки пленников, на цепи. Неужто церковь тебя ничему не научила, а, мальчик? – и, конечно, самое его любимое изречение. – Ежели один из нас падёт, все падём.

Да, Аарон, думаю я.

– Словами через рот, мальчик.

– Да, Аарон.

– Еси да суси? Скверные слова, бранные. Не думай, что я не слышал. Шум тебя выдал, мальчик. Шум всех выдает.

Не всех, подумал я, но вслух поспешно произнес:

– Прости, Аарон.

Он наклонился ко мне – рот его совсем близко, я чую исходящее оттуда дыхание, чую его тяжесть, словно пальцы тянутся взять, схватить...

– Ибо слышит Господь, – прошептал он. – О да. *Слышит.*

Тут он снова замахнулся. Я дернул головой в сторону, а он захохотал и был таков, в город обратно, и Шум свой с собой унес.

Меня так всего и трясло; кровь кипела от оплеухи, и от проповеди, и от неожиданности, и от злости, и потому што я город этот ненавижу и мужчин в нем, так што времени прошло изрядно, пока я собрался с силами встать и пойти за псиной. *Што он вообще тут делал, есь его так?* – думал я, и так меня колотило со злости, с ненависти и со страху (да, со страху, заткнись уже), што я даже кругом не глядел на тот случай, вдруг Аарон еще здесь и слышит мой Шум. Не гля-

дел. Не оглядывался.

А потом все-таки оглянулся и пошел за собакой.

– Аарон, Тодд? Аарон?

– Хватит уже говорить это имя, Мэнчи.

– Кровь, Тодд. Тодд? Тодд? Кровь?

– Знаю. Захлопни пасть.

– Вертун, – добавил он, словно слово ничего ровным счетом не значило.

В голове у него было пусто, как в небе.

Я шлепнул его.

– И с этим тоже заткнись.

– Ой? Тодд?

Мы тронулись дальше, держась подальше от реки, што слева. Река бежала через несколько оврагов к востоку от города, потом заворачивала на север, мимо нашей фермы и огибала его по боку, потом топко разливалась по пустошам и в конце концов уходила в болото. Реки надобноть избегать, и особенно этой маревой ее части, до болотных деревьев, потомуш там кроки живут, достаточно крупные, штобы порешить и почти-мужа, и псину его. Плавники у них на спине торчат, как камыш, в ряд; подойдеш к ним поближе, и – ВВВУХХ! – как выскочит такой из воды, как кинется прямо на тебя: когти наголо, пасть щелкает, и все, каюк тебе.

Мы обошли топь; впереди тихо раскинулись настоящие болота. Смотреть там больше не на што, вот мужчины туда и не ходят. Ну, и запах, конечно. Нет, я не хочу сказать, што

там ничем не воняет, но воняет и вполовину не так скверно, как они себе думают. Память они свою нюхают, это как пить дать: не то што взаправду там, а как оно было раньше. Всю эту мертвечину. Эти ушлепки, спаклы, и люди по-разному себе мыслят похороны. Ушлепки пользуются болотом – кидают себе мертвых в воду и пусть тонут, и порядок, потому как для них болотное погребение – самое то, я смекаю. Бен так, во всяком случае, говорит. Вода, грязь и ушлепочья плоть вместе отлично сочетаются, ничего вокруг не травят. Как они с болотом, так люди – с землей.

Ну, а потомдохлых ушлепков вдруг оказалось куда больше обычного – слишком много даже для такого большого болота, а это, между прочим, ого-го большое болото. Но даже оно их проглотить не смогло. А живых ушлепков и вовсе не осталось – одни только ушлепочьи туши, кучами, в воде, в грязи, и все это гнило, воняло, и уйма времени ушла, пока болото снова стало болотом, а не кашей из вони и мух, и хрен его знает, какую заразу они еще для нас уготовили.

Я, можно сказать, во все это вышел прямиком из материнской утробы, прямо в грязь: переполненное болото, переполненное кладбище и сильно недополненный город. Вот я ничего и не помню, даже мира без Шума не помню. Па помер от болезни еще до моего рождения, а потом и ма, конечно, умерла – ничего удивительного. Бен и Киллиан забрали меня к себе, вырастили; Бен говорил, ма была последней женщиной на свете, но так все говорят про своих ма. Бен, может,

и не врет, он верит, што говорит правду, да только кто его знает?

Я, между тем, в городе младший. Раньше я, бывало, выходил и кидался камнями в полевых ворон – мы с Реджем Оливером (старше меня на семь месяцев и восемь дней) и Лайамом Смитом (на четыре месяца и двадцать девять дней), и еще с Себом Манди, который после меня самый маленький (три месяца и один день между нами разницы), но и он уже перестал со мной разговаривать – он-то уже мужчина.

Никто больше не разговаривал с тех пор, как им стукнет тринадцать.

Вот так оно все устроено в Прентисстауне. Мальчишки становятся мужчинами и ходят на специальные собрания «только-для-мужчин», и судачат там бог знает о чем, а мелких туда, ясное дело, не пускают, и ты – последний мальчишка в городе, так што сиди и жди, сам по себе, один-одинешенек.

Ну, вообще-то с псиной. Которую ты не хотел.

А ну его! Вот впереди болото, и мы идем туда, держась тропинок, што водят кругами, над самыми жуткими топями; вяжем маршрут петлю за петлей мимо огромных, шишковатых деревьев, растущих прямо из топи вверх, к прорешчатому своду – ярды и ярды ввысь. Воздух тут спертый, темный, тяжелый, но от этого не страшно. Кругом сплошная жизнь – тонны жизни, и всем наплевать на город, будьте нате, птицы, зеленые змеи, лягушки, кивиты, и оба вида белок, и, вот вам

мое слово, кастор или два, и красные змеи, которых нужно остерегаться, и хоть тут и темно, сквозь дыры в своде падают полотнища света, и ежели вы спросите меня (чего вы, бьюсь об заклад, делать не станете), все болото – оно как большая, уютная и не особенно Шумная комната. Темная, да, но живая; живая, но добрая; добрая, но не приставучая.

Мэнчи задирает ногу на все, што видел, пока у него не кончилось, чем писать, и тогда просто нырнул в подлесок, што-то себе бормоча. Небось пошел выбирать себе место для прочих дел.

Болото-то не против, да и с чего бы ему? Это ж всё – просто жизнь; идет себе, перекувыркивается, сама на себя замыкается, по собственным следам возвращается, сама себя жрет, штобы дальше расти. Я не про то, што Шума здесь нет. Шум здесь есть, он везде есть, а спасения от него – нет, просто тут не так Шумно, как в городе. Звук тут не такой, как там, потому как болотный звук – он просто любопытный: всякие тварьки шастают, смотрят, кто ты такой, не опасен ли часом. Город, он знает про тебя все, а хочет знать еще больше, и станет бить тебя тем, што знает, по голове, пока тебя у тебя совсем ни капли не останется, дело такое.

А болотный-то Шум – это просто птицы думают свои тревожные маленькие птичьи мыслишки: *где еда? где гнездо? где безопасно?*

И еще восковые белки, мелкие ничтожества, задирают тебя, когда видят, задирают друг друга, когда не видят тебя; и

ржавые белки, похожие на тупых детишек, и еще болотные лисы – прячутся в листве и издают фальшивый Шум, чужой, чтобы выдать себя за белок, которых они ловят и едят; а еще иногда мороны – поют свои чудные мороньи песни... а один раз, богом клянусь, я видел кастора, который драпал от меня на своих двух длинных ногах, да только Бен говорит, никаких касторов на болоте больше нету, ушли все. Не знаю. Я больше верю себе, чем ему.

Из кустов выломился Мэнчи и сел рядышком, потому што я встал посреди тропинки как вкопанный. Поглядел кругом – на што это я там смотрю? – сказал довольно:

– Хорошо покакал, Тодд.

– Не сомневаюсь, Мэнчи.

Главное, штобы мне не подарили еще одну шлепаную собаку на следующий день рожденья. Я на самом деле хочу охотничий нож, как у Бена, – он его сзади на поясе носит. Вот это, я понимаю, подарок для мужчины.

– Кака, – тихонько добавил к этому Мэнчи.

И мы пошли дальше. Главная купа яблонь – подальше в глубь болота; еще несколько тропок – и через бревно; Мэнчи все время нужно помогать перелезть. У бревна я его взял под живот и поставил наверх. Он давно уже знал, зачем это, но все равно брыкался ногами во все стороны, как свалившийся с дерева паук, и вообще разводил бузу почем зря.

– Кончай барахтаться, чучело!

– Вниз, вниз, вниз! – визжал в ответ он, скребота когтями

воздух.

– Глупая собака.

Я поставил его на ствол и сам взобрался тоже, а потом мы спрыгнули по ту его сторону.

– Прыг! – прокомментировал Мэнчи, приземляясь, и, приговаривая: «Прыг!» – дал стрекача.

За бревном начиналась болотная тьма. Первое, што ты видишь, – старые ушлепочьи дома: клонятся из теней к тебе, нависают, похожие с виду на тающие шарики бурого мороженого, только размером с хижину. Никто уже не знает и не помнит, што это такое было, но Бен думает – а он вообще парень башковитый, – што они как-то связаны с мертвыми, с похоронами, со всем таким. Может, это даже церкви такие были, хоть ушлепки никогда не имели никакой религии – по крайней мере, такой, в какой люди из Прентисстауна признали бы религию.

Я все равно обошел их стороной и нырнул в рощицу диких яблонек. Яблоки на них висели спелые, почти черные – почти съедобные, как сказал бы Киллиан. Я оторвал одно от ствола и куснул; сок закапал с подбородка.

– Тодд?

– Чего тебе, Мэнчи?

Я вынул из заднего кармана сложенный пластиковый пакет и стал складывать туда яблоки.

– Тодд? – снова гавкнул он, и на сей раз я обратил внимание, как он гавкнул, и повернулся, а он казал мне носом на

ушлепochьи дома, и шерсть у него на спине стояла дыбом, а уши так и вертелись во все стороны.

Я выпрямился.

– В чем дело, мальчик?

Он уже рычал, откатив губу, выставив зубы. В крови у меня снова закипело.

– Это крок там?

– Тихо, Тодд, – рыкнул Мэнчи.

– Да што там такое?

– Тодд, тихо.

Он еще раз пригавкнул, и это уже был нормальный «гав», хороший такой собачий «гав», который ничего кроме «гав» не значит, и мое телесное электричество еще скакнуло вверх: еще немного – и заряды посыплются с кожи.

– Слушать, – рыкнул пес.

И я стал слушать.

И еще послушал.

И повернул чутка голову и еще послушал.

В Шуме была прореха.

Дыра.

А такого вообще не бывает.

Это странно... *дика* даже, когда там... где-то там, среди деревьев или за пределами видимости, есть местечко, где твои уши и разум вместе с ними говорят: там нету Шума. Как фигура, которую ты не видишь, но угадываешь по тому, как все кругом до нее докасается. Вроде как вода в форме

чашки, только чашки самой нет. Нора такая, дыра, и все, што в нее падает, перестает быть Шумом – *вообще всем* перестает быть, совершенно смолкает. Это тебе не болотное безмолвие, которое на самом-то деле никогда не *молчит*, просто там Шума меньше. Нет, это прямо форма, силуэт... ничего, пустота, где прекращается Шум.

Чего, понятное дело, быть не может.

Ибо нет на свете ничего, кроме Шума, ничего, кроме непрерывных помыслов людских, и все валится на тебя, на тебя, на тебя, с тех самых пор когда ушлепки выпустили микроб Шума во время войны, который свел с ума остальной человеческий род; микроб, положивший Ушлепью конец, когда человеческое безумие взялось за оружие.

– Тодд? – испуганно вякнул Мэнчи. – Что, Тодд? Что там, Тодд?

– Ты што-нибудь чуешь?

– Тихо чую, Тодд, – гавкнул он и поддал громкости. – Тихо чую! Тихо!

А потом где-то там, среди домов, тишина *шевелинулась*.

Кровяной заряд подскочил так сурово, што чуть меня с ног не сбил. Мэнчи понесся кругом меня, вопя благим матом, чем испугал еще больше, так што пришлось его хорошенечко приложить по заднице еще раз (Ой, Тодд?), штобы хоть как-то успокоиться.

– Не бывает таких дыр, – сказал я ему. – Понял? Не бывает такого *ништо*. Должно быть *што-то*!

– Што-то, Тодд, – бухнул он.

– Ты слышал, куда оно пошло?

– Там тихо, Тодд.

– Ты меня понял!

Мэнчи втянул носом воздух, сделал шаг, другой, третий в сторону домов. Ищет, я так полагаю. Двинулся следом за ним, эдак медленновато, – к самому большому подтаявшему мороженому, держась стороной от низенького, покосившегося треугольного дверного проема – ну, как оттуда што-нибудь выглянет? Мэнчи внимательно обнюхал дверь, но рычать не стал, так што я хорошенько набрал воздуха в грудь и сунулся внутрь.

Унутри было совершенно пусто. Потолок сходиллся клином над головой, на высоте еще одного моего роста, всего сталоть, двух. Земляной пол весь порос болотной травой, выюнами всякими и тому подобным, но больше – ничего. То есть никакого всамделишного ничего, ни тебе дыры, ни норы, и кто его знает, што тут раньше могло быть.

Глупо, но я все-таки скажу.

Интересно, вдруг это ушлепки вернулись?

Только быть того не может.

И дыр в Шуме быть не может.

Стало быть, смоглось невозможное.

Мэнчи што-то шумно вынюхивал снаружи, так што я пошел к следующему грязевому пузырю. На этом было кой-чего написано – единственная писанина, вообще известная на

ихнем языке, другой никто не видал. Наверное, единственные слова, какие они считали достойным писать. Буквы тоже спачьи, но Бен говорил, звучит это как «Эс'Пакили» или вроде того... «Эс'Пакили», спаклы, *спаки*, ежели хочешь сквозь зубы сплюнуть, потому как именно это все и делают с тех пор, как оно все случилось, или просто ушлепки. Означает – «народ».

Во втором шаре тоже ничего. Я вышел на болото и снова прислушался. Наклонил голову и наострил слушательные части мозга, и ими тоже послушал. И слушал, и слушал, и слушал.

Слушал.

– Тихо! Тихо! – дважды пролаял Мэнчи (ого-го как быстро) и почесал к последнему пузырью, а я за ним со стрекоучущим в крови зарядом, потому как там-то она и есть, та дыра в Шуме.

Я ее слышу.

Ну, то есть я ее *неслышу*, в том-то все и дело, но, когда я к ней побежал, ее пустота тронула меня в грудь, толкнула неподвижностью, и столько в ней было покоя, не покоя, нет – *тишины*, совершенно невероятного безмолвия, што мне стало плохо, словно я самое ценное для себя потерял, словно вот она, смерть, и я бегу к ней, и глаза у меня на мокром месте, и грудь сейчас раздавит, а никто не увидит, но мне реально худо, и вот уже и вода из глаз полилась, ручьем полилась, честно, еть ее туда, ручьем, и я остановился, согнулся,

и, черт-те-Исусе, можешь ты уже заткнуться наконец, потому што я потратил минуту, целую трепаную шлепаную минуту, стоя там, согнумшись, а за то время дыра, само собой, опять зашевелилась и отодвинулась, ушла, так ее, ушла!

Мэнчи еще пометался – то ли за ней, то ли назад, ко мне – но остановился на «ко мне».

– Тодд плакать?

– Заткнись!

Я прицелился пнуть его, но промахнулся. Нарочно.

Прентисстаун

Мы выдрались из болота и пошлепали обратно в город. Мир кругом был черно-белый, што бы там ни думало на этот счет солнце. Даже Мэнчи все поля молчал в тряпочку. Мой Шум бурлил и булькал, как кастрюля на огне, так што пришлось даже остановиться и охолонуть малек.

На свете нет такой вещи, как тишина. Ни здесь, ни где еще. Ни когда ты спишь, ни когда сам по себе – нет ее, не бывает.

Я – Тодд Хьюитт, думал я себе, зажмуриив глаза. Мне двенадцать лет и двенадцать месяцев от роду. Я живу в Прентисстауне, в Новом свете. Ровно чрез месяц я буду мужчиной.

Этому трюку меня научил Бен – так успокаивают Шум. Закрываешь глаза, вот так, и спокойно, четко себе говоришь, кто ты такой, потому што это как раз в Шуме обычно и тонет, только так.

Я – Тодд Хьюитт.

– Тодд Хьюитт, – тихо пробормотал где-то внизу Мэнчи. Я сделал глубокий вдох и открыл глаза.

Вот я кто. Тодд Хьюитт.

Мы побрели прочь от болот, от реки, вверх по склону дикого поля на гряде к югу от города, где когда-то недолго и

бесполезно торчала школа. Еще до моего рождения мальчишек учили по домам их ма, а потом, когда женщин не стало, мы все просто сидели перед видаками и учили модули, пока мэр Прентисс не объявил все это вне закона как «вредоносное для дисциплины ума».

У мэра Прентисса, видите ли, имелась своя Точка Зрения.

Почти на пол-идиотских-года мистер Ройял с его тоскливой рожей собрал всех мальчишек и запер на выселках, подальше от городского Шума. Помогло как же, ждите. Почти невозможно ничего преподавать в комнате, под завязку полной детского Шума, и уж *совсем* невозможно давать никаких контрольных. Жульничаешь, даже когда не хочешь, а все, ясное дело, *хотели*.

А потом в один прекрасный день мэр Прентисс решил сжечь все книги до последней, даже те, што у мужчин дома, потому што книги, понятно, тоже вредоносны, а мистер Ройял, человек от природы мягкий, сделал себя твердым, нажавшись прямо в классе виски, после чего вытащил ствол и свел счеты с жизнью, на чем мое классное обучение и закончилось.

Всему остальному Бен учил меня дома. Механика, приготовление еды, ремонт одежды, фермерское дело (азы) и такое прочее. И всякое для выживания, типа охоты и какие плоды можно есть, и как читать указания по лунам, и пользоваться ножом и ружьем, и лекарства от змеиных укусов, и как утихомиривать по возможности Шум.

Читать и писать он меня тоже учить пытался, но мэр Прентисс почувал это по моему Шуму и посадил Бена под замок на неделю, на чем мое книжничество тоже закончилось, так што со всем остальным, чему еще нужно было выучиться, и с работой на ферме, которую тоже надо было делать, причем каждый божий день, и со всем выживанием в целом, читать я до сих пор толком не умею.

Впрочем, какая разница. Все равно в Прентисстауне никто никогда не напишет ни единой книги.

Мы с Мэнчи миновали школьное здание, поднялись на грядку, поворотили нос к северу – и вот он, город. От него не слишком много осталось. Один магазин, раньше было два. Один паб, раньше тоже было два. Одна клиника, одна тюрьма, одна бензоштанция (не работает), один большой дом (для мэра), один полицейский ушасток. Церковь еще. Коротенький кусок улицы в центре (замостили еще во время оно, потом не перемасчивали), раскрошился весь в гравий. Все дома и прочее – туда-сюда... окраины, фермы там, ну, вернее, *типа* фермы: некоторые еще ничего, иные пустыми стоят, кое-где – хуже, чем пустыми.

Вот тебе и весь Прентисстаун. Население сто сорок семь человек и все время падает, падает... сто сорок шесть человек и один получеловек.

Бен говорит, когда-то по всему Новому свету были разбросаны поселения, все наши корабли приземлились примерно в одно время – лет за десять до меня это было, а потом

началась война с ушлепками, и ушлепки выпустили микро-ба, и все остальные поселения повымело, и сам Прентисстаун тоже почти повымело, и выжил он только лишь благодаря военному мастерству мэра Прентисса, и хоть мэр Прентисс – кошмар не приведи господь, мы ему обязаны, по крайней мере, этим, што единственные выжили в целом огромном мире без женщин, которому нечего сказать в свое оправдание, – городок на сто сорок шесть мужиков, который вымирает потихоньку с каждым божьим днем.

Потомуш некоторые всего этого вынести не могут. Берут и кончают с собой, как мистер Ройял, или просто исчезают, как мистер Голт, сосед наш старый, который раньше вторую овечью ферму держал. Или мистер Майкл, наш второй лучший плотник, или мистер Ван Вик, который пропал в тот самый день, когда сын его стал мужчиной. Не такое уж редкое это дело. Если весь твой мир – один-разъединственный Шумный городишко без малейшего будущего, иногда просто берешь и уходишь, хоть идти тебе и некуда.

Потомуш когда я, получеловек, вот сейчас гляжу отсюда на город, я слышу всех их до последнего. Их Шум оmyвает снизу холм, накатывается на него волнами, как потоп, как пожар, как чудовище размером с небо – наступает на тебя и бежать больше некуда.

Вот так оно все и есть. Каждую минуту каждого дня всей моей трепаной идиотской жизни в этом трепаном идиотском городе. Уши можно не затыкать, не поможет:

Конец Бен корошенькая шейка Тодд?
БОЛЬНО ДЫШАТЬ, ВОТ ТУТ
Киллиан Тряпки К. *сидит и не идет на работу*
МИКРОБЫ ОДИН МИКРОБ 1 2 3 4
По Божьему произволению Моя прекрасная Джули Яблоки
Это нечестно, просто нечестно
СДЕЛАТЬ АКЦЕНТ НА
ДВАЖДЫ ДВА ЧЕТЫРЕ, ДВАЖДЫ ЧЕТЫРЕ ВОСЕМЬ, ДВАЖДЫ ВО
ВОТ Я ЕМУ И ГОВОРЮ... ГОВОРЮ...

Видел бы ты эту пару
Боже, помоги Томасу
Эй, мальчик, ты там...
Болезнь ^{Микроб, конец} ^{Знай одного мужчину} ^{яблоки}
Болезнь ^{конец} ^{Тряпки}

Яблоки ^{яблоки} ^{Вдох и выдох, пожалуйста}
Боже Возьмите себя ^{Тихо, тогда?} за шею

О, Лилли моя, Лилли ^{о, Джули моя, Джули} ^{Женщина моя драгоценная} ^{Боже}
ТЫ ВООБЩЕ ТАМ ЕСТЬ?

Только моя семья ^{и никого больше} ^{Это этих снаков и микробов их еще} ^{Тогда?}
Маленькая такая, маленькая, ^{слабая, вкусная...} ^{Снаков больше не осталось, некого удивить}

РАНЫ И ССАДИНЫ, РАНЫ И ССАДИНЫ
Бочку проследить, но чтобы ^{Мальчики думают, что станут мужчинами} ^{внутри не попало}
Итог видно бы ^{отдал за дургер с телстиной}

А вдруг он спросит про овен ^{Я ЕСМЬ В РУЦЕ ГОСПОДНЕЙ И ВСЕ СУШЕЕ...}
СВЯЖИ РУКИ ВМЕСТЕ ^{ЯБЛОКИ}

Дэстер моя, Дэстер, красивая моя девочка ^{Трентисс получит первым}
Как нам отсюда выбраться? ^{ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ДАЙ ЛИХОРАДКЕ ЗАБРАТЬ МОЕГО ДЖАСТИНА}
ШТО ЖЕ МЫ НАДЕЛАЛИ, ГОСПОДИ!

БОЛЕЗНЬ, МИКРОБ, СПАЧЬЯ ЗАРАЗА ^{Я его убью, честное слово, убью}
Как нам отсюда выбраться? ^{Еще одну и на боковую}

Нилман ^{Сто девятнадцать дней без дождя} ^{какие маленькие ручки} ^{НОРМА, МОЯ НОРМА!}
Сэр, вы лжец ^{3 2 1} ^{как я ему врежу прямо по роже}

ДЕРЕВО В РУКАХ МОИХ ^{Просто микроб, запорни} ^{НЕ КОРОЛЬ, НО ТВАРЬ}
ЧЕРЕЗ МЕСЯЦ ^{господи, убеги от них мальчика}
Святость безтолвия ^{Клиш.} ^{ТОТ ДЕНЬ} ^{ТОДА?}

ДВАЖДЫ ВОСЕМЬ ШЕСТНАДЦАТЬ ^{Тряпки}
КРУТИТСЯ НА ОСТРИЕ, КРУТИТСЯ ^{Тряпки}
Этот мальчишка ^{Хьюиттов} ^{РАНЫ И ССАДИНЫ}

Все как они привыкли

До 1 2 3 4 4 3 2 1

МУЖЧИНЫ, ВОЗЬМИТЕ СЕБЯ В РУКИ!

Святное причастие, обретенное и необретенное

Карла моя, Карла! ШЕЯ ТВОЯ, ШЕЯ

ПРОБИЛО ДЕСЯТЬ, ЧАС ДЕСЯТЫЙ

дважды по шестнадцать тридцать два, дважды по тридцать два шестьдесят четыре

ОБЕЗБОЛИВАЮЩИХ НЕ ОСТАЛОСЬ, БУДЕМ ТАК

лжжжжж, лжжжжж

приближается

ЗАТКНИТЕ ЕГО!

Голоса болтают, стонут, плачут, поют.

Плачут.

Поют.

И если бы только плакали и пели. Если бы только словами.

Есть еще и картинки. Картинки хлещут тебе в голову потоком, как бы ты ни сопротивлялся: воспоминания, фантазии, тайны, планы, вранье, вранье, вранье. Потомуш и в Шуме можно врать – даже когда все вокруг знают, што ты думаешь, можно закопать одно под другое, спрятать у всех на виду; просто не думать четко или уговорить сам себя, што правда не это, а прямо противоположное, так што кто его разберет в целом потоке, где вода, а чем и носка не замочишь?

Потому што мужчины врут и больше всего врут самим се-

бе.

Вот, например, я никогда не видел живьем ни спакла, ни женщины. На видаках – видел, пока их вне закона не объявили. Зато я их *все время* вижу в мужском Шуме, потому как о чем еще мужчинам думать, как не о врагах и сексе? Правда, спаклы у них в Шуме сильно крупнее и злее, чем на видаке. А у женщин светлее волосы и перси больше, а одежды на них меньше, и милошты они свои даруют куда свободней. А потому изо всей моей повести о нашем здешнем житье-бытье прежде всего и важнее всего надо помнить одно: Шум не есть истина. Шум – то, што мужчины *хотят* видеть как истину, и между тем и другим есть разница – такая огромная, што, не ровен час, задавит, если не быть все время настороже.

– Домой, Тодд? – гавкнул снизу Мэнчи.

Погромче прежнего, потому как нет иного способа разговаривать в Шуме.

– Ага, пошли.

Мы жили на другой стороне, с северо-востока, и штобы попасть туда, нужно пройти чрез город насквозь, хошь не хошь, и как можно скорее.

Первым делом мимо лавки мистера Фелпса. Лавка загибается, как и все в городе, и большую часть времени мистер Фелпс проводит в пучине отчаяния. Когда приходишь к нему за покупками, он ведет себя вежливо, но беда так и сочится из него, каплет, как гной из пореза. *Конец*, говорит его Шум, *всему конец*, и *Джули, милая, дорогая моя*

Джули – это жена, и в Шуме у мистера Фелпса она щеголяет всегда в чем мать родила.

– Здорово, Тодд, – кричит он, завидев, как мы с Мэнчи несемся мимо.

– И вам здравствовать, мистер Фелпс.

– День-то нонеча какая *красивая*, а?

– Да хоть куда, мистер Фелпс.

– *Крыса!* – по-своему понимает Мэнчи, и мистер Фелпс хохочет, но его Шум продолжает твердить *конец*, и *Джули*, и *тряпки*, и сыпать картинками того, по чѐм он особенно скучает в жене и што она, бывалоча, делала, как будто в этом есть што-то уникальное.

Я у себя в Шуме не думаю ничего такого специального для мистера Фелпса, только обычное барахло, с которым все равно ничего не поделать. Хотя, должен признать, думаю громко, штобы прикрыть мысли о той дыре на болотах, спрятать ее под Шумом пошумнее.

Ума не приложу, зачем мне это... зачем ее прятать.

Но все равно прячу.

Мы с Мэнчи чешем во все лопатки, потомуш следующим номером у нас бензоштанция, а к ней комплектом мистер Моллот. Бензоштанция больше не работает, потому што делегенератор, делавший бензин, о прошлом годе дал дуба и торчит теперь рядом со штанцией, как эдакий безобразный большой палец на ноге, когда его собьешь и наступать больно, и никто рядом с ним не живет, окромя мистера Моллота,

а мистер Моллот *гораздо* хуже мистера Фелпса: он свой Шум целит прямо в тебя.

А Шум у него гадкий. Злой Шум. В нем видишь себя так, как ни в жизнь не захотел бы видеть; скверные картинки, жестокие, с кровью, так што остается только выкрутить свой собственный Шум на полную мощность и поглотить им Шум мистера Фелпса, и послать ему оба назад.

Яблоки и всему конец и сначала руку и Бен и Джули и Крыса, Тодд? и генератор козлит и тряпки и просто заткнись уже.

Посмотри на меня, мальчик.

Я машинально поворачиваю голову, хоть и знаю, што не хочу, но иногда тебя вот так ловят враспloch, и я поворачиваю голову, а в окне стоит мистер Моллот и глядит прямо на меня; *один месяц*, думает он, и из егойного Шума проступает картинка: я стою один, сам по себе, но как-то даже еще более одиноко – я не знаю, што это значит, и реально ли оно вообще, или это нарочная ложь, и я представляю, как молоток бьет мистера Моллота по голове – раз, еще раз, еще раз, – а он все стоит и улыбается мне из окна.

Улица поворачивает за штанцию, мимо клиники, а там доктор Болдуин и все стоны и рыдания, с которыми мужчины идут к докторам, когда никаких поводов для рыданий нет. Сегодня у него мистер Фокс – жалуется, што не может дышать, и было бы его жалко, если бы он при этом не дымил как не в себя. А если пройти клинику, боже-мой-всемогущий,

наступит идиотский паб, где даже в это время дня Шум стоит коромыслом, потому што они там музыку выкручивают на полную катушку – заглушить, значит, Шум, но получается плохо, и на тебе сразу и громкую музыку, и громкий Шум, а Шум, еще того хуже, *пьяный*, и он прилетает тебе в голову, как киянка. Вопли, и вой, и рыдания мужчин, чьи лица никогда не меняются, и *ужасоминания* прошлого, и женщины, женщины, которые когда-то были. *Куча всего* о женщинах, только все бессмысленное, потому што пьяный Шум – он как пьяный мужик: смутный, скучный, опасный, и все в дыму.

Через центр идти тяжело, трудно думать хоть на шаг вперед – слишком много Шума валится тебе на плечи. Понятия не имею, как мужчины справляются – как *я* буду справляться, когда стану мужчиной... если только в тот день што-то не изменится. Што-то такое, о чем я не знаю.

Дорога забирает мимо паба направо, к полицейскому ушастку и тюрьме – все в одном месте и используется куда активнее, чем можно было бы предположить для такого мелкого городишки. Шериф – мистер Прентисс-младший, который хорошо если на два года старше меня, и мужчиной-то пробыл всего ничего, но за работу взялся только в путь, и в камере у него вечно кто-то сидит – из кого мэр Прентисс велел ему на этой неделе сделать пример прочим в назидание. Сейчас, скажем, это мистер Тернер, маловато сдавший зерна «на нужды города», то бишь не поделившийся урожаем просто так, забесплатно, с Прентиссом и его людьми.

Вот вы вместе со своей псиной и проскочили весь город и оставили позади Шум мистеров Фелпса, Моллота, Фокса и Болдуина, и Супершум из паба, и Шум мистера Прентисса-младшего, и стоны мистера Тернера, но не Шум города в целом, потомуш впереди еще Церковь.

Церковь – это почему мы вообще здесь, в Новом свете, начать с того. Почти што каждое воскресенье Аарон вещает здесь с амвона, как мы оставили позади грех и скверну Старого света и вознамерились вести жизнь чистую и братскую на берегах нового Эдема.

Ну, што, отлично ведем, а?

Люди в церковь все еще ходят, в основном потому што привыкли, хоть сам мэр и пренебрегает – пусть другие слушают, как Аарон проповедует: мы сами, дескать, – единственное, што у нас есть, мужчины, братья, и должны быть повязаны в единую цепь. Община типа.

Ибо ежели пал один, все падут.

Вот это конкретно он повторяет очень часто.

Идучи мимо церковного крыльца, мы с Мэнчи держимся тише воды ниже травы. Изнутри несется молитвенный Шум – у него особый вкус, пурпурный такой и тошнотный, будто там люди кровью текут. Шум вечно один и тот же, да только кровь не кончается. *Помоги нам, спаси нас, прости нас, помоги нам, спаси нас, прости нас, избави нас, уведи отсюда, пожалуйста, Боже, пожалуйста, Боже, пожалуйста, Боже*, хотя, насколько я знаю, никто

еще ничего не слышал от этого их бога в ответ – никакого Шума.

Аарон тоже там – вернулся с прогулки и разглагольствует поверх молитв. Слышно его голос – а не только Шум: всякое про *жертву*, про *Писание*, про *благодать* и про *святость*; такую трескотню поднял, што Шум позади него пыляет сплошным серым пламенем – ничего в нем не разберешь, а ведь, может быть, это все неспроста. Проповедь ведь вполне может што-то и прикрывать... и я даже начинаю задумываться – уж не знаю ли я, часом, *што*.

А дальше я расслышал у него в Шуме *молодой Todd?* и скомандовал:

– Наддай, Мэнчи! – и мы с ним припустили со всех ног.

Переваливая чрез хребтину Прентисстауна, последним минуешь мэрский дом, а это самый странный и тяжкий Шум из всех, потому как мэр Прентисс...

Другой он, вот. Не такой, как остальные.

Его Шум жутко четкий, и я имею в виду, жутко в самом жутком смысле слова. Он, видите ли, полагает, што в Шум можно привнести порядок. Просеять его, разобрать, взнуздать и приставить к какому-то делу. Когда идешь мимо мэрского дома, слышишь его – его и ближайших к нему людей, его ставленников и помощников, и они вечно заняты этими своими умственными упражнениями: считают все што-то, представляют идеальные фигуры, декламируют – *я есмь круг, круг есть я*, – што бы это там ни значило... как будто

он там себе маленькую армию строит, готовится к чему-то, кует оружие из самого Шума.

Угрожающе это звучит. Страшно. Как будто мир надумал измениться, а тебя с собой не взял.

12344321

я есмь круг, круг есть я

12344321

Если один из нас падет, все падут.

Скоро я стану мужчиной, а мужчины от страха не бегают, но я отвесил Мэнчи легкого пинка, и мы с ним прибавили шагу, обойдя мэрский дом по самой широкой дуге. А дальше вот она – гравийная тропка к самому нашему дому.

Вскоре город пропал позади, и Шум начал стихать (правда, совсем он не стихнет никогда). Мы с собакой перевели дух.

– Шум, Тодд, – твякнул Мэнчи.

– *Да сэр.*

– Тихо на болоте, – добавил он. – Тихо, тихо, тихо.

– Да, – сказал я, а потом подумал как следует. – Заткнись, Мэнчи. – И шлепнул его по попе.

– Ой, Тодд?

Я поспешно оглянулся на город. Шум – он не воробей, вылетит – не поймаешь. Если представить, как оно выглядит... летит по воздуху... наверное, можно увидеть, как она отлетает от меня, эта дырка в Шуме, прямо из моих мыслей вылетает, оттуда, где я ее прятал... такой ведь совсем малень-

кий кусочек Шума. Когда все кругом так орет, ее немудрено и пропустить... но все равно улетела, улетела, улетела – туда, назад, в мир мужчин.

3

Бен и Киллиан

– И где тебя, спрашивается, носило? – осведомился Киллиан, стоило только нам с Мэнчи показаться в конце дорожки.

Он валялся на земле, по уши в нашем маленьком деле-генераторе, который перед домом, и чинил што там у него опять сломалось в этом месяце. Руки – в машинном масле, рожа – в досаде, а Шум гудит, точно рой чокнутых пчел. Я почувствовал, што и сам закипаю, а ведь еще даже до дома не дошел.

– На болотах, для Бена яблоки добывал, – буркнул я.

– У нас тут дел невпроворот, а малышня играть бегает, – процедил он и уткнулся обратно в генератор.

Унутри што-то лязгнуло.

– Мать его! – донеслось оттуда.

– Если ты меня слушал, я не сказал, што играл! – сказал я, но вышел почти ор. – Бен захотел яблок, и я принес ему шлепанных яблок!

– Угу, – Киллиан окинул меня неприветливым взглядом. – И где же нонеча эти яблоки?

Потому што никаких яблок при мне нет. И я даже не помню, где потерял сумку, которую начал ими набивать, но это наверняка случилось, когда...

– Когда што? – осведомился Киллиан.

– Хорош меня подслушивать! – рявкнул я.

Он испустил фирменный Киллиановский вздох.

– Мы не так уж многого от тебя тут просим, Тодд...

Безбожное вранье.

– ...но нам одним с фермой не справиться.

Это правда.

– И даже если ты делаешь все, што тебя просят, чего не бывает никогда...

Еще одна ложь, они на мне, как на скотине, пашут.

– ...мы все равно едва сводим концы с концами, не забыл?

Снова правда. Город больше не в силах расти – только съедаться, а помощи как не было, так и нет.

– Изволь слушать, когда я с тобой разговариваю.

– Злитесь, – прокомментировал Мэнчи.

– Заткнись.

– Не смей так разговаривать с собакой, – оборвал меня Киллиан.

А я не с собакой разговариваю, подумал я достаточно громко, чтобы он точно услышал.

Киллиан прожег меня взглядом, я прожег его – так оно всегда и бывает. Наш Шум запульсировал красным от злости. С Киллианом у нас никогда не ладилось; Бен всегда был добрый, а Киллиан – другой, и чем ближе день, когда я стану мужчиной и больше не буду обязан грести этот его навоз лопатой, тем хуже у нас дела.

Киллиан закрыл глаза и громко втянул носом воздух.

– Тодд... – начал он тише, чем раньше.

– Где Бен? – перебил его я.

У него лицо малость затвердело.

– Окот начнется через неделю, Тодд.

– Где Бен? – только и повторил в ответ я.

– Ты отведешь овец пастись на выгон, а потом починишь ворота на восточное поле – раз и навсегда, Тодд Хьюитт. Я тебя уже дважды об этом просил.

Я покрепче уперся пятками в землю.

– Как ты сходил на болота, Тодд? – как можно саркастичнее полюбопытствовал я. – Ну, там все было очень круто, Киллиан, спасибо, што интересуешься. Видал на болоте што-нить интересное, а, Тодд? Забавно, што ты спросил, Киллиан, потому как я и вправду видал кой-чего интересное, чем вот и губа моя объясняется, про которую ты, конечно, не спрашивал, но, я смекаю, это подождет, пока я овец покормлю и починю *эти трепаные ворота!*

– Следи за языком, – отрезал Киллиан. – У меня нет времени на твои глупые игры. Иди к овцам.

Я стиснул кулаки и издал што-то вроде «Ъыыхх!» – каковой звук должен был объяснить Киллиану, што я больше ни секунды не могу мириться с его неразумием.

– Пошли, Мэнчи, – скомандовал я.

– Овцы, Тодд, – напомнил Киллиан нам в спину. – Сначала овцы.

– Да займусь я трепаными овцами! – пробормотал я сквозь зубы и припустил быстрее.

Кровь так и скакала, и Мэнчи взволновался от рева моего Шума.

– Овцы! Овцы, Тодд! Овцы, овцы, тихо, Тодд! Тихо, тихо на болоте! Тодд!

– Заткнись, Мэнчи.

– Это еще што такое? – Киллиан *так* это сказал, што мы оба разом повернулись к нему.

Он сидел у генератора, весь сосредоточенный на нас, и Шум его тоже – как лазер.

– Тихо, Киллиан, – гавкнул Мэнчи.

– Што еще за «тихо»? – Взгляд Киллиана вместе с Шумом обыскивал меня вдоль и поперек.

– Тебе какое дело? – Я отвернулся. – Мне еще шлепанных овец кормить.

– Тодд, погоди... – Но тут в генераторе што-то запикало, и с новым «Черт!» он уткнулся обратно, хотя стая вопросительных знаков так и полетела с Шумом нам вслед, рассеиваясь по дороге, пока мы заворачивали к полям.

К черту его, к черту, к черту его и всех, думал я – приблизительно такими словами и еще другими, похуже, – топяя через ферму.

Мы жили где-то в миле к северо-востоку от города. Половина хозяйства – под овец, вторая – под пшеницу. Пшеница труднее, но ей занимаются в основном Бен и Киллиан.

Я уже достаточно взрослый, чтобы перерастить овец, поэтому овцами занимаюсь я. Я, а не «я и Мэнчи», хотя еще одна ненастоящая, врушная причина всучить мне эту псину была в том, што я, дескать, могу выучить его на овчарку, што по очевидным причинам (под чем я подразумеваю его абсолютную, непроходимую тупость) не сработало.

Короче, овец я кормлю, пою, стригу, роды принимаю, кастрирую и закалываю – вот чем я занимаюсь. Мы – один из трех в городе поставщиков мяса и шерсти; раньше были один из пяти. Скоро будем один из двух, потому што мистер Марджорибэнкс со дня на день концы отдаст от пьянства. Мы его стадо себе заберем. Ну, то есть город сольет его отару с нашей, как было, когда мистер Голт пропал без вести две зимы назад, и мне сразу прибавилось кого резать, кого холостить, кого стричь, кого случать, когда время придет, и может, мне хоть кто за это спасибо скажет? Ась? Нет таких?

Я – Тодд Хьюитт, думал я.

Сегодня все как сговорились не давать мне утишить Шум.

Я почти мужчина.

– Овцы! – сказали овцы, когда я проходил мимо и не остановился. – Овцы!

Они проводили меня взглядом.

– Овцы! Овцы!

– Овца! – облаял одну Мэнчи.

– Овца! – огрызнулась она.

Овцам сказать еще больше нечего, чем собакам.

Я прочесал ферму на предмет Бенова Шума и засек его в углу одного из пшеничных полей. Посадка давно закончена, до жатвы еще не один месяц, с пшеницей делать толком нечего, разве следить, штобы генераторы, делетрактор и электрические молотилки были готовы к работе. Думаете, это значит, мне кто-нить с овцами подсобит? Ага, щас.

Бенов Шум напевал што-то возле одной из поливочных форсунок. Я свернул и зашагал к нему. Шум у него совсем не такой, как у Киллиана. Он спокойней, яснее, и хотя Шум на самом деле не видно, Киллианов все время кажется красноватым, а у Бена он синий или, бывает, зеленый. Они совсем разные – как огонь и вода, Бен и Киллиан, мои более-менее предки.

История у них такая: моя ма дружила с Беном еще до отлета в Новый свет. Оба они принадлежали к Церкви, когда всем вдруг предложили сняться с мест и основать новое поселение там. Ма уговорила па, Бен уговорил Киллиана, и когда корабли приземлились и поселение основали, ма и па стали держать овец, а на соседней ферме Бен и Киллиан растили пшеницу, и все было хорошо, и все дружили, и даже солнце никогда не садилось, а мужчины и женщины вместе распевали песни и любили, и жили, и никогда не болели, и уж понятное дело, не умирали.

Но это все из Шума, так што кто его знает, как оно было на самом деле. Потому как дальше родился я, и все разом поменялось. Спаклы выпустили свою женоубийственную за-

разу, и для ма все кончилось, а потом войну начали и выиграли, и дальше все кончилось уже почти для всего остального Нового света. И остался я, совсем мелкий, и ничего ни про што не знал – не единственный мелкий в городе, конечно, нас там уйма была, и всего полгорода мужиков, которым внезапно пришлось за нами ходить, за младенцами и мальчишками. Много нас тогда перемерло, и мне еще повезло, потому как Бен и Киллиан натурально меня взяли к себе и кормили, и растили, и учили всему, так што это им я обязан, што вообще на свете живу.

В общем, я как бы их сын. Больше, чем «как бы», но меньше, чем по-настоящему. Бен говорит, што Киллиан все время со мной ругается, потому што очень меня любит, но, если это правда, это очень забавный способ показывать свою любовь, вот што я вам скажу, совсем на любовь не похожий и на заботу тоже. Ну, это если вы меня спросите.

Но Бен – он совсем другой человек, чем Киллиан, добрый он человек, и из-за этого в Прентисстауне за нормального не сойдет. Сто сорок пять мужчин у нас в городе (даже совсем новые, только-только после дня рожденья, даже Киллиан, хотя этот – меньше прочих), и все меня в лучшем случае не замечают, а в худшем колотят, так што большую часть жизни я провожу за тем, штобы придумать, как мне так половчее на глаза не попасться и не схлопотать в лицо.

Но Бен не такой, про него даже и не расскажешь никак, не выказав себя нюней, и глупышом, и вообще дитём сущим,

так што я и не буду; скажу только, што па я никогда в жизни не знал, но вот разбуди меня как-нить поутру и скажи, выбирай, мол себе кого хошь, вот тебе цельный ашортимент, Бен бы был далеко не худший выбор.

Он насвистывал, пока мы шли, и, хотя сам меня покамест не видел, а я не видел его, он почуял, што я иду, и сменил песню на другую, знакомую – *Раным – рано поутрууууу, когда солнце встаааало*, – говорит, ее ма особенно любила, но я думаю, это он сам ее любит, потому как пел ее мне и насвистывал, сколько я себя вообще помню. Кровь у меня все еще бурлила после Киллиана, но тут я сразу начал успокаиваться.

Да, знаю я, знаю, што это песенка для малышей, заткнись уже.

– Бен! – гавкнул Мэнчи и принялся наворачивать круги вокруг поливочного аппарата.

– Здорово, Мэнчи.

Бен уже чесал его промеж ушей. Глаза Мэнчи зажмурил и ногай колотил по земле от удовольствия, и, хотя Бен явно видел по моему Шуму, што я только што опять поругался с Киллианом, он мне о том ничего не сказал, бросил только:

– Здорово, Тодд.

– Привет, Бен.

Я уставился в землю, пиная камушек.

Яблоки, сказал Бенов Шум, и *Киллиан*, и как же ты вырос, и опять *Киллиан*, и *локоть чешется*, и *яблоки*,

и *ужин*, и *ох* и *тепло же сегодня*, и все так спокойно и гладко, будто лечь плашмя в ручей жарким днем.

– Ты себя успокаиваешь, Тодд? – наконец спросил он. – Напоминаешь себе, кто ты такой?

– Ага. Почему он так на меня накидывается? Почему нельзя просто сказать, здорово, типа как дела? Ни ответа ни привета, а на тебе сразу с порога: «Я знаю, што ты опять што-то натворил, и я с тебя не слезу, пока не выясню што».

– Ну, вот такой он, Тодд. Ты всегда это знал.

– Ну да, а ты всегда это говорил.

Я сорвал колосок и сунул в рот, не глядя на Бена.

– Яблоки в доме оставил?

Тут уж я на него поглядел. Пожевал стебелек. Знает же, што нет, не оставил.

– И тому есть причина, – он все еще чесал Мэнчи уши. – Только непонятная.

Он пытался прочесть мой Шум – может, правду какую найдет? Большинство мужчин за такое сразу в драку лезут, но с Беном я не возражал. Он наклонил голову набок и отпустил наконец Мэнчи.

– Аарон?

– Ага, встретил его.

– Это он тебе губу разбил?

– Да.

– Вот сучий сын, – он нахмурился. – Надо мне перемолвиться с ним парой слов.

– Не надо, – сказал я. – Не надо. Только хуже будет, да оно и не болит особо.

Он взял меня за подбородок и приподнял, чтобы разглядеть ссадину.

– Вот сучий сын, – повторил тихо, потом потрогал губу, и я отдернул голову.

– Пустяки, – пробормотал я.

– Держись подальше от этого человека, Тодд Хьюитт.

– Как будто я побежал на болота в надежде его повстречать!

– Он был не прав.

– Ага, срань господня, спасибо, што объяснил, Бен!

Тут я поймал обрывок его Шума, который сказал *через месяц*, и это было што-то новенькое – только он его быстро прикрыл остальным Шумом.

– Да в чем дело, Бен? – взвился я. – Што такое с моим днем рожденья?

Он улыбнулся, но целую секунду это была ненастоящая улыбка – это была *встревоженная улыбка!* – а потом уже вполне настоящая.

– Это сюрприз. Так што не смей разнохивать.

Хоть я уже почти мужчина и почти с него ростом, ему все равно пришлось малек наклониться, чтобы его лицо оказалось вровень с моим – не слишком близко, не до неудобства, но достаточно близко... еще безопасно, но я все равно немного отвел взгляд. И несмотря на то што это Бен, и я ве-

рю Бену больше, чем кому угодно еще в этом дерьмовом городишке, и што Бен спас мне жизнь и спасет еще, если придет в том нужда, я все равно не спешу открыть свой Шум и выдать, што произошло на болотах, – в основном потому, што стоило только этой мысли подобраться поближе, как мне снова сдавило грудь.

– Тодд? – Бен пристально глядел на меня.

– Тихо, – бухнул негромко Мэнчи. – Тихо на болоте.

Тут Бен перевел взгляд на него, а потом обратно на меня – очень мягкий, и вопрошающий, и заботливый.

– О чем он толкует, Тодд?

– Мы што-то видели, – вздохнул я. – Там, на болоте. Вернее, не *видели*, оно пряталось, но это было как прореха в Шуме, как будто кто-то вырвал...

Я заткнулся, потому што мои слова он слушать перестал. Я открыл ему мой Шум и стал вспоминать как можно достовернее, а он как-то свирепо посмотрел на меня, а далеко позади я услышал, што к нам идет Киллиан и зовет «*Бен?*» и «*Тодд?*», и у него озабоченный голос и Шум тоже, и Бен тоже начал слегка закипать, но я продолжил думать как можно точнее про ту дыру в Шуме, но тихо, совсем тихо, чтобы никто в городе нас не услышал, но Киллиан уже шел к нам, и Бен смотрел на меня и смотрел, пока я его не спросил:

– Это спаки? Ушлепки? Они вернулись?

– Бен! – уже в голос орал Киллиан, идучи к нам чрез поле.

– Мы в опасности? – быстро спросил я. – Будет новая вой-

на?

Но Бен только сказал:

– О мой бог, – совсем тихо.

И еще раз:

– О мой бог.

А потом, не шелохнувшись и даже взгляд не переводя:

– Тебя надо отсюда убрать. Тебя надо отсюда убрать *сию же минуту*.

4

Не думай это!

Киллиан примчался бегом, но не успел он и рта раскрыть, как Бен его перебил:

– Не думай это! И ты тоже, – это он ко мне повернулся. – Прикрой сверху Шумом, спрячь. Спрячь как можно лучше!

Он сгреб меня за плечи и так стиснул, што кровь засакакала пуще прежнего.

– Да што происходит? – воскликнул я.

– Ты домой через город шел? – Это Киллиан.

– Естественно, я шел домой через город, – огрызнулся я. –

А как еще, еть его, мне домой попасть?

У Киллиана даже скулы напряглись, но не от того, што я голос повышаю, а от страха – страх у него в Шуме криком кричал! И за «еть» они на меня тоже орать не стали – поверьте, от этого только хуже сделалось. Мэнчи брехал так, што еще немного, и всю голову отбрешет:

– Килилан! Тихо! Еть! Тодд! – но его никто не позаботился заткнуть.

– Придется сделать это сейчас! – Киллиан посмотрел на Бена.

– Знаю, – ответил тот.

– Што происходит?! – я еще поддал громкости. – *Што* сделать сейчас?

Я отступил чутка и смотрел теперь на обоих. Эти двое переглянулись и перевели наконец взгляд на меня.

– Тебе придется сейчас же уйти из Прентисстауна, – это Бен сказал.

Некоторое время я катал глазами от одного к другому, но в Шум к себе они ничего не пустили – ничегошеньки, кроме обычной озабоченности.

– То есть как это уйти из Прентисстауна? В Новом свете же нет ничего, *кроме* Прентисстауна!

Тут они еще одним взглядом обменялись.

– Прекратите это! – потребовал я.

– Вперед, – скомандовал Киллиан. – Мы тебе уже и мешок собрали.

– Как это вы мне уже и мешок собрали?!

– У нас наверняка мало времени, – сказал Киллиан Бену.

– Он может пойти вдоль реки, – сказал Бен Киллиану.

– Ты знаешь, что это значит, – сказал Киллиан Бену.

– План от этого не меняется, – сказал Бен Киллиану.

– КАКОГО ЕТЯ ТУТ ТВОРИТСЯ?! – взревел я, хотя «етя» на самом деле не сказал, потому как ситуация требовала слова покрепче. – КАКОЙ ЕТЬСКИЙ ПЛАН?

Но они почему-то упорно на меня не злились.

Бен понизил голос и попытался привести Шум хоть в какой-то порядок.

– Очень, очень важно, чтобы ты изо всех сил не пускал в Шум то, что случилось на болотах, ты меня понял?

– Но почему? Спаки вернулись и теперь всех нас поубивают?

– Не думай это! – оборвал меня Киллиан. – Хорошенько прикрой, утопи поглубже и держи тихо, пока не окажешься далеко от города, где никто не сможет тебя услышать. А теперь быстро!

И он кинулся обратно к дому – прямо *бегом*, как есть бегом!

– Идем, Тодд, – сказал Бен.

– Никуда я не пойду, пока мне кто-нибудь все не объяснит.

– Объяснения ты получишь. – Бен взял меня за локоть и просто-напросто потащил за собой. – Получишь, увы, больше, чем хотел.

И такая печаль была у него в голосе, што я умолк и не сказал больше ни слова, а просто припустил за ним следом домой.

Позади разорвался Мэнчи.

Когда мы добрались домой, я ждал...

Хрен его знает, чего я ждал. Што из леса вывалится армия спаклов. Шеренгу мэрских людей с ружьями. Што дом сгорел дотла. Понятия не имею. Шум Бена с Киллианом дела никак не прояснял, собственные мои мысли бурлили, што твой вулкан, проклятый Мэнчи все не затыкался – чего вообще ждать в такой суматохе?

Но там никого не было. Дом – *наш* дом – стоял себе, как

всегда, тихий такой, ферма фермой. Киллиан ворвался чрез заднюю дверь, кинулся в молельню, которой мы никогда не пользовались, и принялся отрывать доски от пола. Бен устремился в буфетную и начал швырять сушеную еду и фрукты в холщовый мешок, потом заскочил в уборную и добавил малый медипак.

Я просто торчал посреди всего этого, как дурак, и гадал, какого трепаного етя кругом творится.

Знаю, што вы думаете: как я мог ничего не знать, не понимать, если весь день, каждый шлепанный день слышал каждую мысль двоих мужчин, которые заправляют этим домом? Так вот, в том-то и штука. Шум – это действительно шум: грохот, лязг, треск – он обычно сливается в одну сплошную кашу из звуков, картинок и мыслей, и большую часть времени из него невозможно ровным счетом ничего вычленить. Ничего осмысленного. Мужской разум – настоящая свалка, и Шум – бушующее, клокочущее зеркало этой свалки. Это и правда, и то, што человек правдой считает, и то, што он себе воображает, и што ему видится; Шум говорит сразу одно и совершенно противоположное ему другое, и, хотя где-то в нем точно закопана истина, нет никакой возможности сказать, што истинно, а што нет, потому што на тебя вываливают ВСЁ!

Шум – это человек без фильтров, как он есть, а без фильтров человек – это ходячий хаос.

– Никуда я не пойду, – заявил я.

Они продолжали заниматься своими делами и никакого внимания не обратили.

– Никуда я не пойду! – попробовал я еще раз, а Бен просочился мимо меня в молельню – помогать Киллиану поднимать пол.

Через некоторое время они нашли, што искали: на свет появился рюкзак, старый – я думал, я его потерял. Бен его развязал и быстренько проглядел, все ли внутри в порядке. Я заметил што-то из своей одежды и еще кое-што навроде...

– Это што, *книга*?! – чуть не возопил я. – Вы же должны были их сжечь еще давно!

Но они все так же меня игнорировали, и у меня все остальное на языке замерло, потому што Бен вытащил ее наружу, и оказалось, што это не книга даже, а какая-то типа тетрадь с симпатичной такой кожаной обложкой. Бен ее быстренько пролистнул: страницы унутри оказались чуть желтоватые, как сливки, и все исписаны от руки.

Тетрадь Бен закрыл – аккуратно, будто это што-то очень ценное, – и в пластиковый пакет завернул для защиты, а потом опустил обратно.

И тут-то они наконец повернулись ко мне.

– Никуда я не пойду, – напомнил я им в третий раз.

А дальше в переднюю дверь постучали.

Мгновение никто ничего не говорил – все как застыли на месте. Мэнчи так много нужно было сказать, што он как-то разом во всем запутался и застрял; минуту царила тишина,

только потом он заголосил: «Дверь!» – но Киллиан сгреб одной рукой за ошейник, другой за морду и зажал ему пасть. Мы все трое уставились друг на друга, гадая, што делать.

Послышался еще один удар, а за ним голос:

– Я знаю, что вы там.

– Черт и его мать! – выразился Бен.

– Дэйви трепаный Прентисс! – уточнил Киллиан.

На крыльце стоял мистер Прентисс-младший, оплот закона.

– Думаете, я ваш Шум не слышу? – сообщил он чрез дверь. – Бенизон Мур, Киллиан Бойд, – голос сделал маленькую паузу. – И Тодд Хьюитт.

– Дальше можно не прятаться, – подытожил я и скрестил на груди руки.

Меня все еще слегка потряхивало от возмущения.

Киллиан и Бен снова обменялись взглядом, потом Киллиан отпустил Мэнчи, скомандовал:

– Оставайтесь на месте! – и пошел к двери.

Бен сунул мешок со съестным в рюкзак, затянул завязки и протянул мне:

– Надевай.

Я заартачился было, но он так серьезно на меня посмотрел, што я взял и надел. Весил рюкзак целую тонну.

Мы услышали, как Киллиан отпер дверь.

– Чего тебе, Дэйви?

– Для тебя – шериф Прентисс, Киллиан.

– Ты нас от обеда оторвал, Дэйви, – холодно сказал Киллиан. – Заходи попозже.

– Это навряд ли. Мне надо перемолвиться словечком с юным Тоддом.

Бен поглядел на меня; Шум его вспух от волнения.

– У Тодда есть работа по ферме. Он как раз выходит с заднего крыльца, насколько я его слышу.

Так, это явно инструкции нам с Беном. Но я, мать его, хотел знать, што происходит, и принципиально не обратил внимания на Бенову руку, которая вцепилась мне в плечо и потянула к задней двери.

– Ты меня за дурака держишь, Киллиан? – осведомился мистер шериф Прентисс-младший.

– Ты правда хочешь услышать ответ, Дэйви?

– Я слышу его Шум меньше чем в двадцати футах у тебя за спиной и Бена тоже. – Тон его как-то поменялся. – Я просто поговорить с ним хочу, ни во что он не влип.

– А ружье тебе тогда зачем, Дэйви? – полюбопытствовал Киллиан, а Бен крепко сжал мне плечо.

Голос мистера Прентисса-младшего и его Шум снова изменились.

– Тащи его сюда, Киллиан. Ты знаешь, зачем я здесь. Из твоего мальчишки словечко вылетело, маленькое такое, невинное словечко, да до города долетело, и нам просто надо выяснить, что да как, вот и все.

– Кому это нам? – переспросил Киллиан.

– Его честь господин мэр желает побеседовать с молодым Тоддом, – повысил голос мистер Прентисс-младший. – Все живо на выход, слышите? Никаких проблем, всё в порядке. Просто потолкуем, по-дружески.

Бен очень твердо мотнул головой в сторону задней двери – на сей раз спорить было бесполезно. Мы осторожно, на цыпочках двинулись к ней, но Мэнчи и так уже весь измотался молчать и, не выдержав, гавкнул:

– Тодд?

– Даже не думайте смяться чрез заднюю дверь, эй, там! – заорал мистер Прентисс-младший. – А ну, с дороги, Киллиан.

– Пошел вон с моей земли, Дэйви, – сказал Киллиан.

– Я тебе дважды повторять не стану!

– Ты мне уже раза три повторил, Дэйви, так что, если это угроза, прости, не работает.

Последовала пауза, но Шум у обоих сделался громче, и мы с Беном поняли, што дальше будет, а потом все стало происходить очень быстро, и мы услышали глухой удар и дальше еще два, и мы с Беном и Мэнчи все кинулись в кухню, но, когда прибежали, все уже кончилось. Мистер Прентисс-младший валялся на полу, держась за рот: между пальцами уже показалась кровь. Ружье его было в руках у Киллиана, а ствол указывал на самого мистера Прентисса-младшего.

– Я сказал, пошел вон с моей земли, Дэйви, – напомнил

ему Киллиан.

Мистер Прентисс-младший поглядел на него, потом поглядел на нас, все так же держась за рот. Я уже говорил, ему всего года на два больше, чем мне; ни фразы не может сказать, не дав петуха – голос еще ломается, но день рожденья у него уже был, и на тебе – мужчина.

Шериф наш шлепанный.

Кровь из губы испачкала каштановые волосенки, которые он сам величает усами, а остальные – нулем без палочки.

– Ты типа ответил, да? Я тебя спросил, и ты ответил. – Он сплюнул немного крови и один зуб нам на пол. – Ты знаешь, что это еще не конец.

Тут он глянул мне прямо в глаза:

– Ты что-то нашел, да, малец?

Киллиан наставил ему в лоб ружье и приказал коротко:

– Вон.

– У нас на тебя планы, малец, – кроваво усмехнулся мистер Прентисс-младший и встал, пошатываясь, на ноги. – Последний малец в городе. Один месяц, да?

Я посмотрел на Киллиана, но тот только громко и выразительно взвел курок.

Мистер Прентисс-младший обвел нас всех взглядом, сплюнул еще разок, сказал:

– Скоро свидимся.

Хотел, шtbody чтобы вышло сурово, но голос снова дал петуха, и он развернулся и почесал как можно скорее в город.

Киллиан захлопнул за ним дверь.

– Тодду надо убираться сейчас же. Обратным путем через болота.

– Знаю, – отозвался Бен. – Я просто надеялся, что...

– Я тоже.

– Эй, эй, – вмешался я. – Я на болота обратно не пойду.

Там спаклы!

– Думай тихо! – шикнул на меня Киллиан. – Ты не понимаешь, насколько это важно.

– Ну, поскольку я *ничего* не понимаю, это большой роли не играет. И я никуда не пойду, пока кто-нибудь мне не объяснит, што здесь происходит.

– Тодд... – начал было Бен.

– Они вернутся, Тодд, – перебил его Киллиан. – Дэйви Прентисс вернется, и на этот раз не один, а мы не сможем защитить тебя ото всех сразу.

– Но...

– И не спорь! – отрезал Киллиан.

– Давай, Тодд, – сказал Бен. – Мэнчи придется пойти с тобой.

– Час от часу не легче! – всплеснул руками я.

– Тодд, – Киллиан как-то изменился; в его Шуме проступило нечто новое – и это была печаль... печаль – почти горе, – Тодд, – повторил он и вдруг схватил меня и обнял, крепко-прекрепко, даже слишком крепко, так што я ткнул-ся ссаженной губой ему в воротник и сказал: «Ой!» – и от-

толкнул его. – Ты, наверное, нас за это ненавидишь, – сказал Киллиан, – но попробуй понять: это только потому, что мы любим тебя, ладно?

– Нет, блин, не ладно, – рявкнул я, – ничего не ладно!

Но Киллиан меня уже не слушал.

– Давайте, бегите, – бросил он Бену. – Я их задержу, сколько смогу.

– Вернусь другой дорогой, – пообещал Бен. – Постараюсь сбить со следа.

Они сцепились руками на целую долгую минуту, потом Бен глянул на меня («Пошли!») и потащил прочь из комнаты к задней двери. Последним я увидел, как Киллиан снова берет ружье и смотрит на меня, прямо в глаза, и у него на лице, на всем Киллиане сплошь, и в Шуме у него тоже, написано, што это прощание, и оно поболе остальных будет, што он меня никогда не увидит, и я уже открываю рот, штобы сказать ему што-то, но дверь захлопывается, и Киллиан пропадает с глаз.

То, што ты знаешь

– Я доведу тебя до реки, – бросил Бен, пока мы мчались через поля (уже второй раз за одно утро). – Пройдешь вдоль нее до самых болот.

– Там нет дороги, Бен, – взмолился я, – и кроки повсюду. Ты смерти моей хочешь?

Он глянул на меня – глаза совершенно спокойные, – но шагу не сбавил.

– Без вариантов, Тодд.

– Кроки! Болото! Тихо! Какать! – лаял на ходу Мэнчи.

Я даже перестал уже спрашивать, што происходит, раз уж все равно никто не желал отвечать, так што мы просто понеслись дальше, мимо овец – все еще ни на каком не на пастбище и вряд ли вообще теперь туда попадут.

– Овцы! – сказали они, провожая нас взглядом.

Мы миновали большой амбар и двинули вдоль крупной ирригационной линии на другой, поменьше, повернули направо. Дальше начиналась пустошь... то есть практически вся остальная пустая планета.

Бен молчал до самой опушки.

– В рюкзаке еда. На сколько-то хватит, но постарайся растянуть на подольше. Ешь плоды, какие найдешь, и придется охотиться.

– На сколько мне ее тянуть? – спросил я. – Когда мне можно будет вернуться?

Бен встал как вкопанный. Мы уже были под деревьями. До реки футов сто, но ее слышно, потому што там она начинает бежать под уклон, к болотам.

Мне вдруг стало так одиноко, словно это было самое-пре-самое одинокое место во всем мире.

– Ты не вернешься, Тодд, – сказал Бен. – Тебе нельзя.

– Но почему?! – Я это почти промяукал, как котенок какой-нибудь, но поделаться все равно ничего не мог. – Што я такого сделал, Бен?

– Ты не сделал ничего плохого, Тодд. – Он шагнул ко мне. – Ты ни в чем не виноват.

Он обнял меня со всех сил, и грудь мне снова сдавило. Смятение, страх, гнев. Ох... Утром, когда я встал с кровати, все в этом мире было как всегда, а теперь меня куда-то отсылают, а Бен с Киллианом ведут себя так, будто я умер, и это нечестно... понятия не имею почему, но просто это нечестно.

– Я знаю, это нечестно, – сказал Бен, отстраняясь от меня и пристально глядя в лицо. Но всему есть объяснение.

Он развернул меня, открыл рюкзак на спине, порылся в нем и што-то вытащил.

Книгу.

Ну конечно.

Я посмотрел на него, потом отвел взгляд.

– Ты же знаешь, я хреново читаю, Бен.

Я ужасно смутился и чувствовал себя донельзя глупо.

Он слегка ко мне наклонился, так што физиономии наши оказались реально нос к носу. С его Шума мне лучше не стало, нет, сэр.

– Я знаю, – сказал он очень мягко. – Я все думал, надо бы больше времени тратить на твое...

Он умолк и протянул мне книгу:

– Это принадлежало твоей маме. Ее дневник. Он начинается с того дня, когда ты родился.

Тут он опустил на него глаза:

– ...и заканчивается тем, когда она умерла.

Мой Шум распахнулся во всю ширь.

Моя ма. Ее собственная книга...

Бен погладил обложу.

– Мы ей обещали, что будем тебя беречь. Мы обещали, а потом выбросили все из головы, чтобы в Шуме ничего не осталось... чтобы никто не узнал, что мы намерены делать.

– И я в том числе.

– И ты в том числе. По-другому было никак. Если бы хоть слово об этом просочилось в твой Шум и дальше в город...

Он не закончил.

– Вроде того молчания, которое я нашел сегодня на болотах... – сказал я. – Как *оно* просочилось в город и вон чего из этого вышло.

– Нет, это была неожиданность. – Он посмотрел в небо,

словно шtbody показать, какая это была абсолютная неожиданность. – Никому бы и в голову не пришло, что такое может случиться.

– Оно *опасное*, Бен. Я это чувствовал.

Но он только протянул мне книгу.

Я начал было качать головой:

– Бен, я...

– Я знаю, – повторил он. – Но ты уж постарайся.

– Нет, Бен...

Он поймал мой взгляд и властно удержал его своим.

– Ты мне доверяешь, Тодд Хьюитт?

Я почесал в боку. Ну и как на это отвечать?

– Конечно, доверяю, – сказал я. – По крайней мере, доверял, пока ты не стал собирать мне рюкзак без моего ведома.

Его Шум сошелся в точку, как солнечный луч; взгляд сделался твердым.

– Ты мне доверяешь?

Я поглядел на него: да, я доверял, даже сейчас.

– Доверяю, Бен.

– Тогда поверь, что все, что ты сейчас знаешь, – это неправда.

– Што все? – У меня голос слегонца скакнул вверх. – Почему ты мне ничего не говоришь?

– Потому что знать – опасно, Тодд. – Я его в жизни не видал таким серьезным, и когда попытался глянуть в его Шум, шtbody понять, што же он там такого прячет, Шум взревел

и отбросил меня прочь. – Если я сейчас тебе все скажу, оно будет жужжать в тебе громче улья в медосборную пору, и мэр Прентисс найдет тебя быстрее, чем его плевок долетит до земли. Тебе нужно сейчас же отсюда убираться, и как можно дальше.

– Но куда?! – вскрикнул я. – *Ничего же больше нет!*

Бен сделал глубокий вдох.

– Есть, – сказал он. – На свете есть и другие места.

На это я просто промолчал.

– Между первых страниц книги есть сложенная карта. Я ее сам нарисовал. Нет, не смотри на нее, по крайней мере пока не выберешься из города, понял? Теперь иди на болото. Там поймешь, что тебе делать дальше.

Но я по Шуму понял, што он совсем не так уж уверен в моей сообразительности.

– Из-за того, што я там найду, да?

На это он ничего не сказал.

А я продолжал думать.

– Откуда вы знали, што нужно держать для меня собранный рюкзак? – Я отступил от него на шаг. – Если эта штука на болоте – такая уж неожиданность, почему вы с такой готовностью вышвырнули меня из дома?

– План таков и был, с самого начала. Ты тогда был еще совсем маленький... – Он громко сглотнул; грусть обнимала его всего, целиком. – Как только ты достаточно подрастешь, чтобы самостоятельно...

– И вы уже тогда собирались выкинуть меня вон, чтобы мной кроки пообедали? – Я отступил еще на шаг.

– Нет, Тодд... – Он подался ко мне, все так же с книгой в руках, но я еще отшагнул.

Он махнул рукой: типа ладно, как хочешь.

И закрыл глаза. И открыл для меня свой Шум.

Через месяц, первым делом сказал он...

И дальше мой день рожденья...

День, когда я стану мужчиной...

Вот там-то оно все и... Што происходит, когда...

Што остальные мальчишки делали, когда становились мужчинами... Одни... Сами...

Как убивают все, што в них еще осталось от мальчиков, до последней...

И...

И што на самом деле происходит с теми, кто... Срань господня!

И нет, я больше ничего об этом не скажу. А как я себя от этого чувствую – и подавно. Я посмотрел на Бена, и передо мной был другой человек, не такой, как всегда; не такой, какого я знал. Знание опасно, да.

– Вот поэтому-то тебе никто ничего и не говорит, – сказал он. – Чтобы ты не сбежал.

– И вы бы меня никак не защитили? – Я снова мяукнул (да заткнись уже наконец!).

– Мы *сейчас* тебя защищаем, Тодд, – сказал он. – Прого-

няя тебя отсюда. Мы хотели быть уверены, что ты сумеешь выжить один, самостоятельно – для того мы всему тебя и учили. А теперь тебе надо идти...

– Если через месяц должно случиться *вот это*, почему вы так долго ждали? Почему раньше меня не убрали отсюда?

– Мы не можем уйти с тобой, вот в чем все дело. И мы всё никак не могли отослать тебя в никуда одного. Это невыносимо. Видеть, как ты уходишь... Такой маленький... – Он снова погладил обложку книги. – И да, мы надеялись на чудо. Что вдруг нам не придется...

Тебя потерять, сказал Шум.

– Но чуда не случилось, – сказал я, помолчав секунду.

Бен покачал головой. Протянул мне книгу.

– Прости, – сказал он. – Прости, что все вышло вот так.

И в его Шуме было столько настоящего горя, столько скорби, и заботы, и взвинченности, и я знал, што он говорит чистую правду и ничего не может поделать с происходящим, и я ненавижу весь сегодняшний день, но беру у него из рук книгу и сую ее обратно в пакет, а пакет – в рюкзак. Дальше мы молчим. А што тут еще скажешь? Всё – и ничего. Всё – не можешь, поэтому не говоришь ничего.

Он снова притянул меня к себе – в губу воротником двинул, как Киллиан, но только на сей раз я не отодвинулся.

– Помни всегда, – сказал Бен. – Когда твоя ма умерла, ты стал нашим сыном, и я тебя люблю, и Киллиан тоже любит. Всегда любили и всегда будем.

Я уже открыл было рот сказать: «Я не хочу уходить», – но из него так ничего и не вышло.

Потому што – БАМММ!!! – раздается самый громкий удар, какой я слышал в Прентисстауне за всю свою жизнь, как будто што-то взлетело на воздух... прямо к небу.

И слышно это может быть только с нашей фермы.

Бен выпустил меня и оттолкнул, и ничего не сказал, но его Шум вопил на всю округу *Киллиан*.

– Я с тобой, домой, – крикнул я, – я тоже буду драться!

– Нет! – рявкнул он. – Тебе нужно убираться отсюда. Обещай мне! Двигай через болото и подальше, прочь, скорее!

Я секунду молчал.

– Обещай мне! – повторил Бен, на сей раз очень требовательно.

– Обещай! – гавкнул Мэнчи, и страх было слышно даже в этом.

– Обещаю, – сказал я.

Бен протянул руку назад и што-то там отстегнул, повозился немного, пока оно совсем отцепилось, и подал мне. Это был его охотничий нож, большой такой, с костяной рукояткой и зубчатым лезвием, способный разрезать все на свете, нож, который я на самом деле надеялся получить на день рожденья, когда стану мужчиной. Ремень тоже при нем, надевай хоть сейчас.

– Возьми, – сказал Бен. – Забирай его с собой на болота. Он может тебе понадобится.

– Я никогда раньше не дрался со спаклом, Бен.

Он все равно протянул его мне, и я взял.

С фермы донесся еще один БАМММ. Бен оглянулся на нее, потом на меня.

– Двигай. Следуй по реке до болота и дальше. Беги что есть мочи и не смей оборачиваться, Тодд Хьюитт. – Он взял меня за руку и крепко сжал. – Если я смогу тебя найти – я найду, клянусь. Но не останавливайся, Тодд. Держи свое слово.

Вот и все. Это «прощай». «Прощай», которого я в жизни не хотел.

– Бен...

– Пошел! – крикнул он и сорвался с места, оглянувшись на бегу только раз, и кинулся опрометью обратно, на ферму, к тому, што творилось на краю света... што бы там ни творилось.

6

Нож передо мной

– ВПЕРЕД, МЭНЧИ! – крикнул я, кидаясь бегом, хотя каждый кусочек меня хотел только мчаться вслед Бену, который удалялся в противоположную сторону, через поля, штобы, как он и сказал, сбить со следу тех, кто мог сейчас следить за Шумом.

Я только на секунду остановился, заслышав со стороны дома хлопки потише – наверняка ружейные выстрелы. Я подумал про ружье, которое Киллиан забрал у мистера Прентисса-младшего, и про все ружья, которые мэр Прентисс и его люди позабирали в городе, и как все эти ружья сейчас против Киллиана с его одним, краденым, и еще про те несколько подумал, што есть у нас в доме, да только долго они все одно не продержатся, даже вместе, и што это, интересно, так грохнуло раньше, хотя это наверняка Киллиан рванул генераторы, штобы сбить нападающих с толку и заставить Зашуметь так, штобы никто не расслышал, как я убегаю в лес.

Все это – штобы я мог скрыться.

– Вперед, Мэнчи, – повторил я, и мы пробежали последние несколько футов до реки, и повернули направо, и двинулись по берегу под уклон, стараясь держаться подальше от камышей.

В камышах, там кроки живут.

Я вытащил нож из ножен и держал всю дорогу в руке, а шли мы и вправду очень быстро.

– Што, Тодд? Што, Тодд? – продолжал твякать Мэнчи.

На его языке это означало: «Скажите же мне наконец, што такое у вас происходит?»

– Не знаю, Мэнчи. Заткнись и дай мне подумать.

Рюкзак прыгал у меня на спине на бегу, но мы держали темп изо всех сил, продираясь чрез кусты и перепрыгивая через лежащие бревна.

Я вернусь. Точно вернусь. Так я и сделаю. Они сказали, я пойму, што мне делать, и вот я понял. Пойду на болото и убью спакла, если смогу, а потом вернусь домой и помогу Бену с Киллианом, а потом мы все вместе уйдем в эти другие места, про которые Бен говорил.

Да, так я и поступлю.

– Обещал, Тодд, – горестно подал голос Мэнчи.

Тропинка неприятно прижималась к камышам.

– Пасть закрой, – сказал я. – Я обещал, што уйду, но штобы уйти, может, надо сначала вернуться.

– Тодд? – переспросил Мэнчи.

Да, я тоже в это не верю.

Мы уже отошли дальше предела слышимости с фермы. Река вильнула немного к востоку, прежде чем влиться в верховья болота, и так увела нас еще дальше от города, и вот уже минуту спустя ничего больше не было, только мой Шум

и Мэнчи да звук бегущей воды, достаточно громкий, чтобы заглушить Шум охотящегося крока. Бен говорил, это эволюция, только предостерегал не увлекаться такими мыслями поблизости от Аарона.

Я уже с трудом переводил дух, а Мэнчи – тот вообще пыхтел так, будто сей же час перевернется кверху брюхом, но останавливаться мы не стали. Солнце начало клониться к закату, но было еще совсем светло – на таком свете хрен тебя што-нибудь спрячет. Пригорок закончился, мы спустились на уровень реки, и кругом тут же все начало заболачиваться. Земля просела, подтопила нас грязью; мы поневоле сбавили шаг. Камышей тоже стало больше, ничего с этим не поделаешь.

– Уши наостри, – приказал я Мэнчи. – Слушай кроков.

Река тут бежала опять медленнее, и если придавить как следует собственный Шум, можно расслышать их – где-то там. Стало еще мокрее. Мы уже едва держали обычный прогулочный шаг, мерно чавкая через грязь. Нож я сжал покрепче и выставил вперед, на всякий случай.

– Тодд? – сказал Мэнчи.

– Слышишь их? – прошептал я, стараясь глядеть, куда ставлю ноги, наблюдать за псом и следить за камышами – все это одновременно.

– Кроки, Тодд, – сообщил Мэнчи настолько тихо, насколько вообще еще возможно лаять.

Я встал и как следует прислушался.

И услышал их – там, в камышах, причем еще и в нескольких местах разом. *Мясо*, говорили они. *Мясо, пожива* и *зубы*.

– Вот дерьмо, – выразился я.

– Кроки, – поправил меня Мэнчи.

– Пошли. – И мы зашлепали дальше, потому што кругом была уже сплошная жижа.

На каждом шагу ноги у меня уходили в ил, и ямы поверх заполнялись водой, и идти было решительно некуда, кроме как дальше, через камыши. Я принялся размахивать ножом перед собой, штобы срубить любой подвернувшийся камыш.

Глядел я вперед и, куда мы идем, видел: вверх и вправо. Мимо города мы уже прошли, теперь там начинались дикие поля – сбегали мимо школы и встречались с трясинной; ежели чрез эту топь прорваться, выйдем на твердую землю, а там уже тропинки и до настоящих болот недалеко со всей их тьмой.

Неужто я тут только сегодня утром был?

– Мэнчи, наддай, – сказал я. – Мы почти пришли.

Мясо, пожива и *зубы*, клянусь, успели сделаться ближе.

– Быстро!

Мясо.

– Тодд?

Я упорно рубился чрез камыши и с чваканьем таскал ноги из грязи, *мяса, поживы* и *зубов*. Но тут донеслось еще и *пес – вертун*.

И я понял, што нам конец.

– Бегом! – крикнул я, и мы побежали, и Мэнчи в ужасе взвизгнул и ка-а-ак скакнет мимо меня, но впереди я увидел, как из камышей подымается крок и кидается на него, но Мэнчи так обезумел от ужаса, што прыгнул еще выше, выше, чем он вообще умеет, и крочьи зубы клацнули об пустоту, и все это рухнуло со всей дури в трясину рядом со мной, вид имея до крайности недовольный, и я услышал, как Шум зашипел *малец – вертун*, и бросился вперед, а он – на меня, и я без единой мысли в голове повернулся и выставил руку вверх, а крок рушится на меня сверху – пасть открыта, когти наружу, и я думаю, вот она, смерть, явилась, и как ринусь из грязи со всей силы назад, на сушу, а он на задних ногах ломит за мной из камышей, и дальше реально минута ушла – мы с Мэнчи оба орали благим матом на разные голоса, – пока я понял, што он на меня больше не валит, а наоборот, уже весь мертвый, и в голове у него мой новый нож, так и торчит в черепе, и единственное, почему крок еще двигается, это потому што двигаюсь я, и я его с ножа-то стряхнул, а он просто упал наземь, и я на него, сверху – счастливый до ушей, што, кажется, так и не умер.

И вот пока я хватал ртом воздух, и кровь у меня гудела, а Мэнчи лаял и лаял, и мы оба хохотали от облегчения, тут-то я и понял, што мы слишком громко себя вели, штобы слышать кое-што важное.

– Собрался куда-то, молодой Тодд?

Аарон. Стоял. Прямо надо мной.

Не успел я охнуть, как он отвесил мне кулаком в рожу.

Я, понятное дело, упал навзничь на землю, прямо на рюкзак – получилось што-то навроде перевернутой черепахи. Щека и глаз взвыли от боли; я едва шевельнулся, а Аарон сграбастал меня за грудки – ладно бы еще за рубашку, так прямо за шкуру под ней – и вздернул на ноги. Тут-то я уже заорал – так больно это было.

Мэнчи свирепо гавкнул:

– Аарон! – и бросился ему на ногу, а тот, не глядя, пинком отправил его прочь с дороги.

Теперь он держал меня, чуть не уткнувшись носом в нос. Мне оставалось только глядеть на него в упор одним глазом – тем, который не болел.

– И что же, во имя сада Эдемского, Господнего, избыточно-прославленного, ты делаешь тут, на болотах, Тодд Хьюитт? – спросил он, обдавая меня мясным запахом изо рта и Шумом, настолько жутким и диким, што вы ни в жисть не захотите такого услышать. – Тебе сейчас полагается быть у себя на ферме, мальчик.

Свободной рукой он двинул мне под дых. Я бы, может, и согнулся впополам от боли, но он все еще держал меня за грудки – за рубашку и шкуру под ней, больно.

– Тебе надо назад, – добавил он. – Там есть на что посмотреть.

Я едва мог дышать, но то, как он это сказал, и кое-какие

намеки из Шума показали мне наконец кусочек правды.

– Это ты их послал, – выдавил я. – Это не меня они услышали. А тебя.

– Никудышные мужики выходят из умных мальчишек, – процедил Аарон и крутанул тем кулаком, которым держал меня.

Я, конечно, взвыл, но, черт его задери, не заткнулся.

– Они не в моем Шуме слышали тишину! Они ее *в твоём* различили! И ты их послал за мной, чтобы они за тобой не пришли.

– О нет, Тодд, – возразил он. – Они ее в твоём Шуме услышали. Просто я *позаботился*, чтобы она от них не укрылась. Чтобы они точно знали, кто принес опасность в город...

Зубищи его со скрипом изобразили улыбку под бородой – совершенно дикую.

– ...и кого нужно наградить за все усилия.

– Ты спятил, – выдал я.

И, черт подери, это была чистая правда, но как же я хотел ошибиться!

Ухмылку он с губ уронил, а зубы стиснул сильнее.

– Оно мое, Тодд, – сказал. – Мое.

Я понятия не имел, што – оно, но раздумывать об этом не стал, так как понял одну важную вещь. Про которую мы с Аароном оба забыли.

Што у меня в руке до сих пор нож.

Ну а дальше сразу случилось много всего.

Аарон услышал *нож* у меня в Шуме и осознал свой просчет – очень быстро. Он снова замахнулся кулаком...

... а я – ножом, раздумывая между тем, смогу ли вот так взять и пырнуть его...

...но тут в камышах раздался треск, и Мэнчи завопил:

– Крок!

И мы оба услышали: *человек – вертун*.

Аарон даже повернуться не успел, как на плече у него уже сомкнулись крочьи зубы, а когти схватили и поволокли в камыши. Меня он, конечно, отпустил, и я снова рухнул наземь, держась за грудь – очень уж крепко он ее прихватил.

Когда я поднял глаза, Аарон бился в грязи, сражаясь с кроком, а спинные плавники еще одного целенаправленно скользили к ним.

– Бежать! – почти провизжал Мэнчи.

– Золотые, еть их, слова, – сплюнул я, кое-как поднялся на ноги – рюкзак тянул меня назад, а подбитый глаз никак не желал разлепляться, – но медлить мы не стали и припустили: бегом, бегом и бегом.

Скоро мы выбрались из грязищи и понеслись по полевой низине к началу болотной тропинки и дальше, напрямиком в болото. Мэнчи сам перепрыгнул через бревно, через которое раньше приходилось переносить его на руках, – даже шагу не сбавил, – и я вслед за ним. Впереди показались спакловы лачуги, где мы вот только сегодня утром побывали.

Нож я все еще сжимал в руке, и Шум гремел всюду, а мне

было так страшно и больно, и в голове такая чехарда, што я как будто знал без тени сомнения: вот сейчас я найду спакла, который прячется в своей Шумной дыре и убью его нахрен до смерти, до смерти, до смерти нахрен, просто за все, што сегодня случилось.

– Где та штука? – прохрипел я псу. – Где тишина?

Мэнчи как полоумный кинулся нюхать все кругом, бегая от дома к дому, а я изо всех сил пытался приглушить свой Шум, но это было совсем без шансов.

– Скорее! – велел я. – Пока оно не убежа...

Я даже не договорил, потому што услышал ее. Ту прореху в Шуме, громадную и страшную до жути. Немного в стороне услышал, за спачьими домами, дальше, где кусты.

На сей раз она никуда не делась.

– Тихо! – лает Мэнчи, весь наострившись, и кидается мимо хижин в кусты.

Тут тишина, конечно, тоже движется, и хотя мне снова давит грудь и страшная печаль так и течет в глаза, я не останавливаюсь и бегу за моей собакой, и не останавливаюсь, и с трудом перевожу дух, сглатываю тяжесть, и вытираю воду с глаз, покрепче берусь за нож и слышу, как лает Мэнчи, и тишину тоже слышу – она вон там, прямо за деревом, прямо за деревом, прямо вон за тем деревом, и я ору и заворачиваю за чертово дерево, и бегу прямо на тишину, оскалив все зубы, и кричу во все горло, и Мэнчи лает, и...

Я останавливаюсь.

Прямо на всем скаку.

И не опускаю, совершенно, ни разу не опускаю нож.

Вот он, смотрит на нас, дышит тяжело, сидит на корточках у корней дерева, закрываясь руками от Мэнчи, и глаза почти мертвы от ужаса, но все равно пытается выставить руки вперед, да только выходит совсем жалко.

А я просто остановился.

Держась за нож.

– Спакл! – брешет Мэнчи, хотя слишком трусит, чтобы нападать, потому што я стою и не двигаюсь. – Спакл! Спакл! Спакл!

– Заткнись, Мэнчи, – бросил я.

– Спакл!

– Я кому сказал, заткнись! – проорал я, и он наконец замолк.

– Спакл? – уточнил Мэнчи, растеряв уверенность в происходящем.

Я еще раз сглотнул, прогоняя ком в горле, ту невероятную тоску, што все накатывает и накатывает, и гляжу, и в ответ глядят на меня. Знание опасно, и мужчины лгут, и мир меняется, хочу я того или нет.

Потому што никакой это не спакл.

– Это девочка, – говорю я.

Это девочка.

Часть II

7

Если бы на свете были

– Это девочка, – повторил я, все еще едва переводя дух. И в груди давило, и нож, конечно, по-прежнему был в руке.

Девочка.

Она смотрела на нас так, словно мы ее вот-вот уьем. Свернулась в комочек, стараясь сделаться как можно меньше, и глаза отрывала от Мэнчи, только чтобы быстро глянуть на меня.

На меня и на нож.

Мэнчи сопел и пыхтел, поставив на загривке шерсть дыбом, подскакивал на месте, словно земля жгла ему лапы, – такой же разъяренный и смущенный, как я. И голова у нас обоих шла кругом.

– Што девочка? – бухал он глухо. – Што девочка?

Понимай: «Што такое девочка?»

– Што девочка? – гавкнул он еще раз, и когда девочка чуть не отпрыгнула за гигантский корень, за которым пряталась, свирепо зарычал: – *Стой, стой, стой, стой, стой...*

– Хороший пес, – брякнул я, понятия не имея, с какой

такой стати он вдруг хороший, но што тут еще скажешь?

Во всем этом не было никакого смысла, ни малейшего смысла, и все уже начинало скользить между пальцев, будто мир – это стол, и он набекрень, и с него все едет, едет и валится вниз...

Я – Todd Хьюитт, стоял и думал я, хотя кто его знает, может, и это уже неправда?

– Ты кто? – спросил я наконец... словно она вообще могла что-то расслышать сквозь мой грохочущий Шум и истерику Мэнчи.

– Ты кто? – повторил я громче и четче. – Што ты здесь делаешь? Откуда ты взялась?

Она задержала на мне взгляд больше чем на секунду, оторвавшись от Мэнчи. Посмотрела на нож, потом на лицо, которое над ножом.

Она на меня посмотрела.

Она и правда посмотрела...

Она.

Я-то знаю, што такое девочка. Еще бы мне не знать. Я их видел в Шуме отцов по всему городу – девочек тоже оплакивали, но не так часто, как жен. И на видаках я их тоже видел. Девочки маленькие, вежливые и улыбаются все время. Они носят платья, и у них длинные волосы, утянутые назад головы или по бокам. Они делают всю работу по дому, а мальчики – ту, што снаружи. Когда им стукнет тринадцать, они достигают женства, как мальчики – мужества, и с того дня

они – женщины и жены.

Так это устроено в Новом свете. По крайней мере, в Прентисстауне. Ну, было устроено. Должно было быть, да только девочек больше нету. Они все мертвы. Умерли вместе с матерями, и бабушками, и сестрами, и тетюшками. Всего через несколько месяцев после того, как я появился на свет. Все умерли, до единой. Но вот поди ж ты – одна осталась!

Волосы у него, впрочем, не длинные. У *нее* то есть. Гм... Волосы у нее не длинные. И никакого платья. Одета она примерно как я, только поновее – одежда такая новая, што смотрится почти униформой, только вся рваная и грязная. И не такая уж она маленькая – скорее размером с меня, по крайней мере с виду. И уж точно она ни разу не улыбается. Вот вообще ни разу.

Не улыбается – и все тут.

– Спакл? – тихо настаивает Мэнчи.

– Ты уже *заткнешься*, ешь твою, наконец?

Откуда же я вообще знаю? Ну, што это девочка, – откуда я знаю?

Начать с того, што она – не спакл. Спаклы – они как мужчины, только всеми частями больше. Все у них длиннее и страннее, чем у мужчин, и рты малость выше, чем им полагается быть, и глаза с ушами, ну, совсем другие. И спаклы выращивали себе одежду прямо на теле, как лишайники, которые можно подстричь, как захочешь. Это потому, што они жили в болоте, – так Бен говорил, хотя он, конечно, не знал

наверняка. В общем, она совсем не так выглядела, и одежда у нее была вполне нормальная, так што точно она никакой не спакл.

Ну, и потом, я просто знал. Просто знал. Не могу сказать как: смотришь, и видишь, и знаешь. Она была не похожа на девочек, которых я видел на видаках и в Шуме, и ни единой девочки я живьем, ясное дело, не встречал, но это была она, девочка, вот и весь сказ. Даже не спрашивайте. Што-то в фигуре, в запахе, не знаю даже в чем, но оно там было, и да, она – девочка.

Если бы на свете были девочки – вот ею-то она бы и была.

И она точно не другой мальчик. Вот совсем. Она – не я. И ничем на меня не похожа. Она – што-то совсем, вообще, абсолютно другое, и не знаю, откуда я это знаю, но я же знаю, кто я такой, я – Тодд Хьюитт, и я знаю, што я такое, и я – вот не это.

Она смотрела на меня, мне в лицо, в глаза. Смотрела и смотрела.

И я ничего не слышал.

Ох ты черт. Грудь... как будто падаешь.

– Кто ты? – спросил я опять и дал петуха, будто горло у меня перехватило, потому што мне ужасно грустно (заткнись).

Я скрипнул зубами, и кажется, еще немного тронулся головой, и сказал еще раз:

– Кто ты? – и чуть-чуть ткнул ножом в ее сторону.

Потому што другой рукой пришлось очень быстро выте-

реть глаза.

Што-то должно случиться. Кто-то должен пошевелиться. Кто-то должен *хоть што-то* сделать.

Только я здесь совсем один, што бы там мир ни вытворял.

– Ты говорить умеешь? – попробовал я.

Она только смотрела.

– Тихо, – буркнул Мэнчи.

– Заткнись, Мэнчи, мне нужно подумать.

А она все так же смотрела. И никакого Шума.

Што же мне делать? Это нечестно. Бен сказал, я доберусь до болота и буду знать, што делать, но я ничего *не знаю*. Они ничего мне про девочку не сказали и про то, почему от тишины мне больно, – тоже. И я никак не могу не реветь, как будто ужасно по чему-то тоскую.

Я даже думать толком не могу, будто эта зияющая пустота – не в ней, а во мне, и этого ничем никогда не исправишь.

Што же мне делать?

Вроде бы она начала успокаиваться. Дрожала уже поменьше, и руки задирала не так высоко, и вообще выглядела не так, будто сорвется с места при первой же возможности... хотя кто ее знает. Как понять, когда человек вообще никакого Шума не издает? Как вообще может быть человек, если у него нет Шума?

А она меня слышит? Может человек без Шума слышать другого человека?

Я посмотрел на нее и подумал как можно громче и яснее,

ты меня слышишь? Слышишь меня?

Но она совсем не изменилась – ни с лица, ни вообще с виду.

– Ладно, – сказал я и отступил на шаг. – Ладно. Ты просто сиди, где сидишь, ладно? Вот там и сиди.

Еще несколько шагов назад, но глаз я с нее не сводил, а она – с меня. Руку с ножом я, правда, опустил и высвободил из рюкзачной лямки, а потом и весь рюкзак сбросил на землю. Держа одной нож, другой я полез внутрь и выудил книгу.

Што-то она больно тяжела для того, што сделано из слов. И пахнет кожей. А внутри – многие страницы, где моя ма...

Так, это может подождать.

– Смотри за ней, Мэнчи, – велел я.

– Смотреть! – буркнул он.

Я заглянул под обложку. Там и вправду обнаружилась сложенная бумага, как Бен и сказал. Я ее развернул: на одной стороне – от руки нарисованная карта; другая вся исписана, но там столько букв, што у меня никакого спокойствия Шума сейчас не хватит даже попытаться их разобрать, – так што я просто уставился на карту.

Наш дом – вот он, в самом верху, а под ним – город, и река сбоку, по которой мы с Мэнчи шли, течет в болото, где мы прямо сейчас и сидим. Но на этом все не заканчивается. Болото тянется, пока снова не превращается в реку, а по берегу у нее идут стрелочки, стало быть, это вот куда Бен хотел, штобы мы с Мэнчи пошли, и я повел по стрелочкам пальцем,

а они прямо взяли и вышли с той стороны болота, прямо к...

ХРЯСЬ!

Мир на секунду стал очень светлый, потому как мне што-то прилетело в голову, как раз в больное место, куда мне двинул Аарон, и я, естественно, опрокинулся, но, опрокидываясь, махнул ножом куда-то вверх, и там слегка вскрикнули от боли, а я успел подхватиться, пока совсем уж не упал, и развернуться, и оказался сиднем на земле, прислонив тылом руку, которая с ножом, к боли в голове, глядя, откуда напали, и вот тут я первый свой урок и усвоил: то, у чего нет Шума, может подкрасться, а ты и не заметишь. Прямо к тебе подкрасться, будто и нет его там вообще.

Девочка тоже сидела на заднице на земле, поодаль, держась рукой за повыше локтя: между пальцами текла кровь. Палку, которой она меня саданула, она уронила, и лицо ее словно провалилось целиком унурь себя – это из-за того, што она чувствовала от раны.

– ТЫ ЗАЧЕМ ЭТО НАХРЕН СДЕЛАЛА? – завопил я, стараясь не слишком хвататься за лицо.

Как же задрало, што меня все сегодня быют!

Она так и смотрела на меня, молча, сморщив лоб, держась за руку.

Кровь текла реально сильно.

– Палка, Тодд! – сообщил Мэнчи.

– А ты, еть, где был?! – повернулся к нему я.

– Какал, Тодд.

Я рыкнул и кинул в него какой-то грязью. Он отскочил и принялся обнюхивать кусты, будто в целом свете ничего необычного не происходит. Внимания у собак хватает на длину спички. Идиотские твари.

Начало смеркаться. Солнце уже прямо садилось. И без того темное болото сделалось еще темнее, а мне так никто до сих пор и не ответил. Время-то идет, а мне как бы не полагается ни торчать тут, ни идти домой, и здесь *точно не полагается быть никакой девочке*.

Ух ты, как же у нее рука кровит.

– Эй, – голос у меня дрожал от бегущего сквозь меня заряда. (*Я – Тодд Хьюитт, думал я, я – почти мужчина.*) – Эй, – на этот раз чуть помягче.

Она смотрела.

– Я тебя не трону, – выдавил я, дыша тяжело, совсем как она. – Ты слышишь? Я тебя не трону. Если ты не станешь бить меня больше никакими палками, поняла?

Она поглядела мне в глаза. Потом поглядела на нож.

Она меня понимает?

Я опустил нож с уровня лица и дальше, почти до земли, но положить – не положил. Свободной рукой я принялся снова рыться в рюкзаке, пока не нарыл медипак. Вынул, поднял.

– Медипак, – сказал я; она не шелохнулась. – Ме-ди-пак.

Медленно показал себе на плечо, туда, где на ее руке была

кровь.

– У тебя кровь.

Ничего.

Я вздохнул и стал подыматься. Она дернулась, села на попу. Я снова вздохнул, на этот раз злее.

– *Да не трону я тебя.* – Поднял медипак, показал: – Это лекарство. Штобы остановить кровотечение.

Опять ничего. Может, там, унутри нее, ничего и нет? Одна пустота?

– Смотри.

Я разорвал медипак, одной рукой неуклюже пошуровал в нем, вытащил антисипическую салфетку, зубами сорвал упаковку. У меня у самого наверняка идет кровь – там, куда мне сначала Аарон двинул, а потом она добавила. Салфеткой вытер глаз и бровь – ага, конечно, кровь. Протянул девочке салфетку.

– Видишь? – показал на глаз. – Она останавливает кровь.

Один шаг вперед, всего один. Она опять дернулась, но уже не так сильно. Еще шаг, и еще, и вот я уже рядом с ней. Она так и смотрела, не отрываясь, на нож.

– Я его класть не буду, так што просто забудь, – предупредил я и потянулся салфеткой к ее руке. – Даже если рана глубокая, она ее затянет, понимаешь? Я тебе помочь пытаюсь.

– Тодд? – бухнул Мэнчи; вопросительные знаки из этого коротенького слова так и сыпались.

– Минуту, – отмахнулся я. – Смотри, у тебя кровь везде.

Я могу это вылечить, понимаешь? Только давай без всяких там шлепанных палок, усекла?

Она смотрела... смотрела... смотрела... Я старался вести себя очень спокойно, хотя на самом деле спокойно мне не было. С чего я вообще решил ей помочь – после того как она меня по черепу стукнула? Но я и правда больше ничего не понимаю. Бен сказал, на болоте будут ответы, но тут нет никаких ответов – тут только девочка, у которой идет кровь, потому што я ее порезал ножом, хотя она это заслужила, и если я смогу остановить ей кровь, возможно, это што-то изменит.

Я не знаю. Не знаю, што делать, поэтому просто што-то делаю.

Девочка все еще смотрит на меня и тяжело дышит. Но не убегает, не дергается, а потом берет и совсем чуть-чуть, так, што даже и не заметишь, поворачивает ко мне плечо, штобы я мог дотянуться до пореза.

– Тодд? – опять гавкнул Мэнчи.

– Цыц, – отрезал я, не желая ее больше пугать.

Так близко к ее безмолвию... у меня словно сердце взрывалось и разлеталось по всей округе. Меня словно тянуло в бездонную яму, словно звало оттуда из глубины – падай, падай, падай!..

Но я взял себя в руки. Я приложил эту антисипическую салфетку к ее руке и стал промокать рану, которая оказалась довольно глубокой. Скоро рана немного закрылась и прекра-

тила кровить.

– Только смотри, будь осторожна, – предупредил я. – Это не навсегда иффект. Береги руку, пока твой организм не довершит начатое, поняла?

Ну, разумеется, она в ответ только посмотрела.

– Ну, ладно, – сказал я себе и заодно всем заинтересованным слушателям, потому што теперь всё – и опять надо было што-то делать дальше.

– Тодд? – это Мэнчи опять. – Тодд?

– И давай без палок, ладно? Не надо меня больше ничем бить.

– Тодд?!

– И да, меня очевидным образом зовут Тодд.

И вот тогда, только тогда, только тогда в тусклом вечернем свете у нее на губах вроде бы как надумала чуток проявиться улыбка. Да неужто?

– Ты... – Я заглянул ей в глаза, насколько позволяла тяжесть в груди. – Ты меня понимаешь?

– Тодд! – снова встрял Мэнчи.

Я наконец повернулся к нему:

– *Што?*

– Тодд! ТОДД!!!

Ну, тут уже слышали все. Кто-то ломился чрез кусты, ветви трещали, ноги топали – бегом! – и Шум... Шум, вот дерьмо, ШУМ!

– Вставай! – крикнул я ей. – Вставай, быстро!

Я схватил рюкзак, одним движением вделся в него. Девочка перепугалась – совершенно бесполезным образом, остолбенела вся, и я заорал: «Скорее!» – и схватил ее за руку, не думая уже ни о какой ране, и попробовал вздернуть на ноги, но внезапно было уже слишком поздно. Крик, рев, грохот, будто цельные деревья рвутся из земли с корнем и падают навзничь, и нам остается только обернуться и увидеть Аарона – совершенно безумного, грязного и несущегося сломя голову на нас.

Нож делает выбор

Три шага – и он обрушился на нас. Я даже повернуться не успел, чтобы дать деру, а он уже надо мной, ручки выставил, за шею сграбастал и впечатал меня в дерево.

– Ты, СКВЕРНА! – проорал он и воткнул мне большие пальцы в горло.

Я царапал его руки, пытался полоснуть ножом, но рюкзак свалился у меня с плеч, свалился и пригвоздил локти к дереву, так што души – не хочу.

Рожа его была – сущий ужас, я ее вовек не забуду, даже если выпутаюсь из всего этого. Кроки отъели ему левое ухо вместе с длинной полосой мяса вдоль всей щеки. Через прореху унутри видно зубы, а глаз так и торчит наружу, словно голова надумала взорваться, да почему-то застыла на полпути. На подбородке, на шее – еще раны, одежда рваная, кровь везде – проще сказать, где ее нет, – и я даже заметил крочий зуб, што застрял в развороченной ране на плече.

Я хватал ртом воздух, но воздуха не было. Вы не поверите, как это больно. И мир крутился волчком, а в голове делалось смешно и бултыхалась глупая мыслишка, што нападение крока Аарон так и не пережил и помер, но был так зол, што смерть ему не помешала явиться сюда меня убивать.

– ТЫ ЧЕМУ ЛЫБИШЬСЯ? – проревел он, окатив меня

брызгами крови, слюней и мяса и еще пуще сдавил мне шею, так што из меня поднялась рвота, да только выйти ей было некуда, и дышать тоже нечем, и все светы и краски мира уже сливались вместе, и я уже умираю и сейчас вот умру.

– АААРГХ! – Аарон вдруг дернул всем телом назад и отпустил меня.

Я рухнул наземь, и вытошнил всё, што было, повсюду кругом, и втянул с хрипом воздуху, сколько никогда в жизни в меня не входило, и так закашлялся, словно никогда уже не перестану. Мэнчины челюсти были сомкнуты на Аароновой лодыжке и грызли ее со всей собачьей силы.

Хороший пес.

Аарон сбил с себя Мэнчи одним ударом; хороший пес улетел в кусты. Оттуда донеслись удар, взвизг и «Тодд?».

Аарон развернулся вновь на меня, а я никак не мог отвести глаз от его рожы – дыры всюду, после такого никто не мог остаться в живых, не бывает такого, невозможно.

Наверное, он и правда мертвый.

– Где знак? – прохрипел он.

Морда его рваная менялась быстро; глаза так и рыскали в панике по сторонам.

Знак? Де... девочка?

Я тоже глянул вокруг. Нет никакой девочки.

Аарон завертелся туда-сюда, услышал то же, што слышал я: шорох, хруст, бег, тишина улетает прочь от нас, прочь – и, не удостоив меня больше ни взглядом, бросился следом

за ней и пропал.

И я остался один.

Вот так, запросто, будто и делать мне здесь вовсе нечего.

Вот ведь идиотский день, а?

– Тодд? – из кустов, хромяя, явился Мэнчи.

– Я в порядке, парень, – попробовал сказать я, точнее, вы-
давить через кашель, но получилось не особо. – В порядке.

Я дышал, а в голову лезли мысли. Они ведь всегда без при-
глашения лезут, правда?

Может, вот оно и все, а? Может, вот так все и закончится.
Это за девочкой пришел Аарон, што бы он там ни имел в
виду под «знаком». Город хочет девочку. Это ведь из-за нее
у меня в Шуме тишина, а я тут ни при чем. И если Аарон ее
получит, и город ее получит, на том все и закончится, верно?
У них будет то, што им надо, и все оставят меня в покое, а
я смогу вернуться домой, и всё будет как раньше, как было
всегда? И... ну да, девочке не повезло, зато Бен и Киллиан
останутся живы.

И я останусь.

Так, я все это просто *думаю*, ладно? Мысли лезут в голову
сами, всё, отвяжись.

Просто мысли... што все закончится, как началось.

– Закончится. – Это Мэнчи бормочет длинное слово где-
то внизу.

А дальше – крик, жуткий, просто жуткий!.. И это, конечно,
поймали девочку, и, стало быть, выбор сделан, так?

Через секунду – еще один крик, но я уже на ногах – даже подумать не успел, – выпростался из рюкзака, согнулся, все еще кашляя, хватанул воздуха – нож в руке, бегом.

Следовать за ними было просто. Аарон ломился через кусты, словно бык, а Шум его так и ревет, а молчание девочки слышно всегда, все время, даже за ее собственными криками, от которых его почему-то еще больнее слышать. Я мчался следом за ними со всех ног, Мэнчи не отставал; и полминуты не прошло, как мы их нагнали, а умный я понятия не имел, што делать дальше. Аарон загнал ее в протоку – ну, на самом деле просто в лужу, по щиколотку глубиной, – и припер спиной к дереву. Держит за оба запястья, а она бьется, дерется с ним, ногами бьет со всей силы, но на лице у нее такой ужас написан, што у меня язык почти отнялся.

– Отпусти ее, – прохрипел я, но меня никто не услышал.

Шум Аарона гремит, полыхает, мечет молнии – он бы меня вряд ли услышал, хоть я и заори. СВЯТАЯ ЖЕРТВА, и ЗНАК ГОСПОДЕНЬ, и ТРОПОЙ СВЯТЫХ, и картинки: девочка в Церкви, пьет вино, вкушает гостию, ангел, ангел...

Девочка – жертва.

Аарон ухватил обе ее ручонки в кулак, вытянул веревочный пояс из своей робы и начал вязать запястья. Девочка пнула его туда, куда Мэнчи кусал до нее, и Аарон вытянул ее поперек лица тылом ладони.

– Отпусти ее, – попробовал я еще раз, стараясь говорить погромче.

– Отпусти! – добавил Мэнчи, все еще хромая, но ярьсь будьте-нате.

Етьский хороший пес.

Я шагнул вперед. Аарон стоял ко мне спиной, словно ему вообще наплевать, есть там кто или нет. Будто я вовсе даже и не угроза.

– Отпусти ее, – попытался проорать я, да только пуще закашлялся.

Ноль внимания. Как будто меня и нет.

Я должен это сделать. Должен сделать. Черт, черт, черт... Я должен это сделать. Должен его убить. Я поднимаю нож. Вот, я уже поднял нож.

Аарон повернулся ко мне – даже не особо быстро, а так, будто его кто по имени окликнул. Он меня видит – а я стою там, словно меня вкопали, нож в руке, высоко, не шевелюсь даже, как чертов трусливый идиот, который я и есть, – а он меня видит и улыбается, и вы не поверите, как жутко на этой рваной роже смотрится улыбка.

– Шум твой выдает тебя, юный Тодд. – Тут он выпустил девочку, которая уже связана и избита, так што бежать даже не пытается.

Аарон делает шаг ко мне.

Я делаю шаг назад (заткнись, ну пожалуйста, просто заткнись).

– Мэр будет огорчен вестью о том, что ты безвременно покинул земную юдоль, мальчик, – еще шаг.

И я – еще шаг. Нож – в воздухе, безо всякого толку.

– Ибо нету Господу дела до труса, – сообщил Аарон. – Не так ли, мальчик?

Левая рука его быстро, змеей, стукнула меня по правой – нож полетел к черту. Своей правой он плашмя отвесил мне оплеуху, сшиб в воду, и вот уже его колени встали мне на грудь, а грабли сдавили горло, чтоб уж наверняка, – на сей раз физиономия у меня очутилась под водой, так што дело пошло быстрее.

Я пытался бороться, но проиграл. Проиграл. У меня был шанс, но я проиграл и заслужил все это, и я дерусь, но сил у меня еще меньше прежнего, и я чувствую: еще немного – и всё. Чувствую, как сдаюсь.

Всё.

Всё...

И тут моя рука нащупывает под водой камень. ХРЯСЬ! Я хватаю его и бью Аарона в висок, не успев даже сообразить, што делаю. ХРЯСЬ! И еще раз ХРЯСЬ! И еще.

Сквозь воду я вижу, как он валится с меня вбок, и подымаю голову, давясь водой и хрипя, и вот я уже сижу, и еще раз подымаю камень ударить его, но он почему-то лежит в воде, мордой наполовину под, наполовину над, зубы скалятся сквозь дыру в щеке, и я отползаю от него на заднице, кашляя, плюясь, но он не движется с места, только чуть погружается, не шевелится.

У меня, кажется, порвана гортань, но меня рвет водой, и

воздух вроде бы все-таки проникает внутрь.

– Тодд? Тодд? Тодд? – интересуется Мэнчи.

Наскакивает на меня, лижется, лает, юлит, как маленький щен. Я чешу его промеж ух, потому што сказать все равно еще ничего не могу.

А потом мы оба почувствовали тишину и подняли глаза, и над нами стояла она, девочка, руки все еще связаны.

А в руках – нож.

Секунду я сидел, замерши на месте, потом Мэнчи заворчал, и до меня наконец дошло. Еще несколько раз вдохнув и выдохнув, я вынул у нее из пальцев нож и перерезал веревку, которой Аарон связал ей руки. Веревка упала, девочка принялась растирать места, где та врезалась в кожу, – все так же тарашась на меня. Все так же молча.

Он знала. Знала, што я не смог.

Черт тебя возьми, подумал я про себя. *Черт же тебя возьми.*

Она посмотрела на нож. Посмотрела на Аарона, лежащего ничком в луже.

Он дышал. Булькал водой с каждым вдохом – но дышал.

Я взял нож. Девочка посмотрела на меня, на нож, на Аарона и снова на меня.

Што она мне говорит? Штобы я сделал это?

Он лежал там беззащитный и, наверно, уже наконец то-нул.

И у меня был нож.

Я встал, упал, потому што у меня кружилась голова, снова встал. Шагнул к нему. Поднял нож. Опять. Она втянула воздух, и я прямо почувствовал, как он остался у нее унутри. «Тодд?» – сказал Мэнчи.

Нож завис над Аароном. Вот он, мой шанс, еще один раз. Еще один раз, и нож у меня в руке, прямо над ним.

Я мог это сделать. Никто во всем Новом свете меня бы не обвинил. Я был в своем праве.

Просто взять и сделать.

Но нож-то – он же не просто вещь. Это выбор, это то, што ты *делаешь*. Нож говорит «да» или «нет», бить или не бить, умереть или жить. Нож забирает твое решение и бросает в мир, и больше оно к тебе не возвращается.

Аарон должен умереть. Рожа у него порвана, голова разбита, он тонет в мелкой луже, даже не приходя в сознание. Он пытался меня убить, он хотел убить девочку, он устроил смуту в городе, он наверняка натравил мэра на ферму, и из-за этого Бен и Киллиан... Они... Он заслужил смерть. Просто заслужил.

А я не мог опустить нож и доделать начатое.

– Да кто я такой?

Я – Тодд Хьюитт.

Я – самое большое етское пустое место, известное человеку. И я не могу этого сделать.

Черт же тебя возьми совсем, подумал я еще раз.

– Пошли, – сказал я девочке. – Нужно выбираться отсюда.

Когда удача не с тобой

Я даже думал, она не пойдет. Ей совершенно незачем идти, а мне – незачем ее просить, но когда я снова сказал: «Пошли» – настойчивее на этот раз и еще рукой вдобавок махнул, – она пошла, за мной и за Мэнчи, вот так-то. В общем, мы пошли. Кто его знает, правильно это или нет, но мы все равно пошли.

Настала настоящая и окончательная ночь. Болото сгустилось вокруг, чернее черного. Мы помчались поскорее забрать мой рюкзак, а потом вкругаля и еще подальше вглубь, чтобы оказаться как можно дальше от Ааронова тела (ну, пожалуйста, пусть это будет тело). Мы карабкались чрез корни, огибали деревья, заходя все дальше в болото. Выбравшись на полянку с клочком ровной земли, я остановился.

Я все еще держал нож. Он сидел у меня в руке, светил мне в лицо как сама воплощенная вина, как отлитое в металле слово «трус». Он отражал свет обеих лун, и, бог ты мой, он был могуч. *Сильная* вещь – такой ты сам служишь частью, а не она – частью тебя.

Я поскорее сунул нож в ножны между поясницей и рюкзаком – там я его хотя бы видеть не буду – и полез искать фонарик.

– Знаешь, как им пользоваться? – спросил я девочку,

несколько раз включив и выключив его.

Она, ясное дело, только смотрела в ответ.

– Ладно, проехали.

Горло у меня все еще болело, лицо болело, грудь болела, Шум закидывал меня картинками дурных вестей, какую отличную трепку задали всем Бен и Киллиан там, на ферме, сколько времени у мистера Прентисса-младшего уйдет, штобы вычислить, куда я девался, и кинуться в погоню за мной, вернее, за нами (совсем недолго, если еще не), так што кому, еть, какое дело, умеет она пользоваться фонариком или нет. Естественно, не умеет, черт ее побери.

Дальше я вытащил из рюкзака тетрадь и, светя себе фонариком, открыл на карте. Вот они, Беновы стрелочки, от фермы вдоль реки, через болото, из болота и дальше опять к реке, там, где оно в нее превращается.

Выйти из болота на деле совсем не трудно. На горизонте за ним торчат три горы – их всегда видно: одна поближе, две подальше, но все рядом. Река у Бена на карте идет между ближней и дальними, так што нам всего-то и нужно держать курс на эту ложбинку посередь, найти обратно реку и идти по ней. Туда, куда показывают стрелки.

К другому, надо понимать, поселению.

Вот оно, там, в самом низу страницы, где заканчивается карта.

Целое новое место.

Как будто мало мне всякого нового на обдумывание.

Я поднял глаза. Она все так же таращилась на меня, вроде бы даже не мигала. Я посветил ей в лицо фонариком. Она сморщилась и отвела взгляд.

– Откуда ты пришла? Здесь есть это место? Это тут? – я ткнул пальцем в другой город на карте.

Девочка не шелохнулась. Я помахал ей рукой перед лицом. Ноль эмоций. Я вздохнул, открыл книгу, протянул ей, направил на страницу луч.

– Я, – тут я показал на себя, – отсюда, – показал нашу ферму к северу от Прентисстауна. – Вот это всё, – помахал руками, обозначая окружающий ландшафт, – здесь, – показал на болото. – Нам нужно туда, – показал на второй город (Бен написал его название под рисунком, но... так, ну его к черту). – Ты оттуда? – показал на нее, на другой город, снова на нее. – Ты – вот отсюда, да?

На карту она посмотрела, но больше никаких признаков жизни не подала.

Я горестно вздохнул и отошел от нее. Неуютно быть так близко.

– В общем, я на это надеюсь, – пробормотал я скорее сам себе, чем ей, изучая карту. – Потому што именно туда мы и пойдем.

– Тодд, – гавкнул Мэнчи.

Я оторвался от картинки. Девочка бродила кругами по полянке, разглядывая всякое под ногами, будто оно што-то для нее значило.

– Ты чего делаешь? – полюбопытствовал я.

Она поглядела на меня, на фонарь у меня в руке и показала куда-то в чашу.

– Чего? У нас нет на это времени...

Она снова показала на деревья и просто пошла туда.

Мне, видимо, оставалось идти за ней.

– Нам нужно по карте идти! – попробовал возразить я, ныряя под ветвями, которые со всех сторон цеплялись за рюкзак. – Эй! Да погоди ты!

Однако ковылял дальше, спотыкаясь на каждом шагу; Мэнчи – следом. От фонарика пользы было мало – кругом сплошные ветки, корни, лужи, канавы. Великое болото, што тут скажешь. Мне все время приходилось пригибаться и отдирать рюкзак от всего, за што еще он там зацепился по дороге, так што ее впереди я почти не видел. Но наконец увидел: она стояла у поваленного и вроде бы даже обожженного ствола и ждала меня, смотрела, как я иду к ней.

– Ты чего делаешь? – Я поравнялся с ней. – Куда тебя не...

И тут я увидел.

Дерево правда горело, причем горело недавно, и упало тоже недавно: нежженные щепки чистые и белые, как свежая древесина. Там еще была группа деревьев, таких, как это, целый ряд их по обе стороны от громадной ямы, даже канавы, прорытой в болоте, заполненной водой, а кругом – кучи земли и обожженный валежник, так што это все явно новое, будто кто-то сюда проломился и выкопал ее одним махом и

весь в огне.

– Што тут случилось? – я обвел фонарем побоище. – Што такое это сделало?

Она посмотрела куда-то влево – там канава исчезала во тьме. Я осветил туда, но возможности фонаря не хватило разглядеть, што там творится. Но ощущение такое, будто там *што-то есть*.

Вот туда-то она и двинула, во тьму, к тому, што там.

– Ты куда? – спросил я, не особо ожидая ответа и, разумеется, его не получив.

Мэнчи устремился следом, словно это его работа теперь – за ней ходить, а не за мной, и оба растаяли в темноте. Я тоже пошел, поодаль, но пошел. Тишина все еще текла от нее, все еще меня волновала, будто грозила вот-вот нахлынуть и поглотить весь окружающий мир и меня вместе с ним.

Я все светил фонарем на каждый пяточок воды. Кроки в болото обычно так далеко не заходят, но это только обычно, к тому же здесь водятся красные змеи, а они ядовитые, и еще водяные ласки, а они кусаются, и вообще удача сегодня как будто взяла выходной, так што ежели што-то плохое может с нами случиться, оно это наверняка сделает.

Я все светил вперед фонарем, туда, куда мы шли, и вроде бы там што-то блестело – не дерево, не куст, не зверь и даже не вода.

Што-то металлическое... *большое* и металлическое.

– Это што такое?

Мы подошли ближе. Я сначала подумал, это большой делебайк, и какому идиоту пришло в голову лезть в болото на байке – их и на ровной дороге-то нелегко запустить, не то што по воде и корням.

Но это был не делебайк.

– Стой, – сказал я.

Она остановилась.

Нет, ты подумай! Девочка остановилась.

– Так ты меня все-таки понимаешь?

Нет ответа. Как всегда, нет ответа.

– Так, погоди-ка минутку.

Мне в голову рвалась какая-то мысль. Мы еще не совсем дошли, но я продолжал рыскать по громадине лучом фонаря... и назад, по канаве, протянувшейся прямой линией. И опять по металлу. И по следам пожарища с обеих сторон от рытвины. Мысль все так же прокладывала себе путь унотрь.

Девочке надоело ждать, и она двинулась дальше, к металлической штуке, а я – за ней. Нам пришлось обойти огромное паленое бревно, все еще лениво дымящееся в паре мест, штобы добраться до нее; она оказалась куда больше даже самого большого делебайка и все равно выглядела как кусок чего-то еще больше размером. Вся покореженная, почти вся в копоти, и, хотя мне совершенно невдомек, как она могла выглядеть прежде, чем ее покорежило и обожгло, совершенно ясно, што это – последствия какой-то катастрофы.

Катастрофы корабля.

Воздушного корабля. Может быть, даже космического.

– Это твой? – я посветил на нее.

Она, ясное дело, ничего не сказала, как у нее водится, но не сказала так, што это могло бы сойти за согласие.

– Это ты тут упала?

Я побегал лучом по ее фигуре, по одежде, не совсем такой, как я привык, конечно, но не настолько, штобы во все это не мог когда-то давно одеваться я сам.

– Откуда ты явилась?

Нет, она опять ничего не сказала и даже взгляд отвела и устремила куда-то дальше во тьму, потом скрестила руки на груди и потопала туда. На сей раз я за ней не пошел, а продолжил глазеть на корабль. Наверняка ведь это он и есть. Тут уж хочешь не хочешь, а глазеть будешь. Большая часть разбилась всмятку, так, што и не признаешь, но все равно кое-где видать то обшивку, то двигатель, то, похоже, даже иллюминатор.

Первые дома в Прентисстауне, видите ли, строились из кораблей, на которых изначальные поселенцы сели на эту землю. Деревянные и бревенчатые дома тоже, понятно, потом стали строить, но Бен говорил, когда сядешь, первым делом нужно построить себе временное убежище, а временное убежище делается из чего под руку попадется. Церковь и бензоштанция в городе до сих пор стоят сделанные частично из металлических листов обшивки, арматуры и даже кают от тех кораблей. И хотя эту кучу мусора порядком потрепа-

ло при посадке, если правильно на нее смотреть, это вполне мог бы быть вот такой прентисстаунский домик, из старых, который свалился прямиком с неба. Пылая вовсю. С пылающего неба.

– Тодд! – бухнул Мэнчи откуда-то из-за пределов видимости. – Тодд!

Я опрометью кинулся, куда ушла девочка, кругом обломков. Там вроде все было не такое битое. На бегу я даже дверь заметил – посреди металлической стены, стояла открытая; немного сверху и даже огонек унутри.

– Тодд!

Я поискал его фонариком: он стоял рядом с девчонкой. Она просто смотрела на што-то внизу, у себя под ногами; я и туда, конечно, посветил, и оказалось, што она стоит над двумя длинными тюками каких-то тряпок.

Ну, то есть над двумя телами, да?

Я подошел. Там лежал мужчина; одежда и тело под ней от груди и ниже были сожжены. На лице тоже ожоги, но недостаточно, штобы не опознать в нем мужчину. На лбу была рана, которая все равно бы его прикончила, даже если бы не ожоги, но это в целом без разницы, ведь он так и так умер. Умер и лежит тут, у нас в болоте.

Я повел лучом дальше: он лежал... рядом с женщиной, так ведь?

Я даже дыхание затаил.

Первая женщина во плоти, какую я в жизни видел. Тут

ведь прямо как с девочкой. Никогда прежде не видал настоящую женщину, но, если бы на свете бывали женщины, вот это прямо была бы она.

Разумеется, тоже мертвая, но ничего заметного с первого взгляда – ни ожогов, ни ран, ни даже крови на одежде, но может, она унутри вся поломалась.

Но женщина! Настоящая женщина...

Я посветил на девочку. Она и глазом не моргнула.

– Это твои ма и па, да? – спросил я тихонько.

Она ничего не сказала, но наверняка это правда.

Я еще посветил на руины и подумал о выжженной канаве за ними. Все это могло означать только одно: она разбилась здесь вместе со своими ма и па. Они погибли. Она выжила. И если она явилась в Новый свет откуда-то еще, если она вообще откуда-то из другого места, это уже не важно. Они умерли, она выжила, и сейчас она здесь совершенно одна.

И здесь ее нашел Аарон.

Когда удача не с тобой, она против тебя.

На земле были видны следы, будто здесь што-то тащили – это, наверное, она тащила тела, вытаскивала их из обломков и волокла сюда. Болото не годится для похорон (разве што спачьих), потому што тут два дюйма почвы, а дальше все равно вода. Не хочется говорить, но они пахли, хотя в общей вони болота это вовсе не так уж скверно, как можно было бы подумать, так што кто ее знает, сколько она уже здесь провела.

Девочка снова на меня посмотрела: не плачет, не улыбается, пусто, как всегда. Потом прошла мимо меня, вдоль следов на земле, к двери в железной стене. Взобралась и исчезла.

Огонь и еда

– Эй! – я побрел за ней к обломкам. – У нас нет времени тут прохлаждаться...

Я шагнул к двери в тот самый миг, когда она опять высунулась наружу, так што пришлось отскочить. Она подождала, пока я освобожу дорогу, вылезла и прошла мимо, таща большой мешок в одной руке и пару пакетов поменьше в другой. Я привстал на цыпочки, стараясь разглядеть, што там, по ту сторону двери. Лом, беспорядок, как и следовало ожидать, все раскидано, кучи не пойми чего.

– Ты как тут вообще живешь? – спросил я, поворачиваясь к ней.

Но она уже занималась делом. Бросила свои мешки и извлекла какую-то плоскую зеленую коробочку, устроила ее на клочке земли посуше и стала накладывать сверху хворост.

Я глазам своим не поверил.

– Слушай, сейчас некогда заниматься ко...

Она нажала кнопку сбоку коробки, и – ВВВУХХХХ! – чрез секунду у нас был целый полноразмерный костер. Весь и сразу.

Я стоял, разинув рот, как дурак. Хочу такую костровую коробку.

Она поглядела на меня, потерла плечи характерным же-

стом. Тут только до меня дошло, што я мокрый насквозь, мне холодно, у меня все болит, а огонь – это самое лучшее, што есть на свете, по крайней мере в этот чертов момент.

Я вперил взгляд в болотную черноту, словно реально мог там што-то разглядеть. Вдруг оттудова на нас уже надвигается... Ничего оттудова не надвигалось. Ни звука. Хотя бы пока.

Костер.

– Только на минуточку, – сказал я.

Я подошел и стал греть руки, но рюкзак не снял. Она разорвала один из пакетов поменьше и кинула мне, а я уставился на него и тарасился, пока она не сунула руку в свой, другой, вытащила вроде бы кусочек сушеного фрукта и принялась есть.

Она дала мне еду. И огонь.

На физиономии у нее все еще не было ни следа выражения, никакого, пустота, камень. Просто стоит у огня и ест. Ну, и я начал. Фрукты, или што там это было, оказались похожи на крошечные сморщенные комочки, но сладкие и упругие, и я прикончил целый пакет в полминуты, и только потом заметил, што Мэнчи стоит рядом и клянчит.

– Тодд? – для верности облизнулся он.

– Ах ты, черт. Прости.

Девочка поглядела на меня, поглядела на Мэнчи, вынула горсточку из своего пакета и протянула ему. Когда он подошел, она дернулась, невольно, ничего не смогла с собой по-

делать, и бросила ему наземь, не дала с руки. Мэнчи-то все равно – он в один присест все заглотив. Я кивнул ей. Она кивать в ответ не стала.

Стояла уже настоящая ночь, непроглядно черная за пределами нашего маленького пятачка света. Только звезды помигивали сквозь дыру в лиственном своде, проделанную рухнувшим кораблем. Я пытался вспомнить, не слышал ли когда на прошлой неделе дальнего грохота с болот... но на самом деле он бы все равно потонул в Шуме Прентисстауна, так што его все одно бы никто не заметил.

Ну, *почти* никто.

Кроме одного проповедника.

– Нам нельзя тут оставаться, – сказал я. – Сочувствую по поводу твоих и все такое, но за нами будет погоня. Даже если Аарон мертв.

При звуке этого имени она поморщилась, совсем чуть-чуть. Видимо, он ей представился. Или типа того.

– Мне правда жаль, – сказал я, хотя сам не знал чего, и передвинул рюкзак на спине: он был тяжел как никогда раньше. – Спасибо за припасы, но нам правда надо идти. Если ты идешь, конечно.

Секунду она смотрела на меня, потом носком ботинка сбросила с зеленой коробки последнюю тлеющую веточку, нажала кнопку и взяла ее с земли, даже не обжегшись.

Черт, я точно хочу себе такую.

Коробку она сунула в мешок, тот, который побольше, и

лямку продела через голову, типа рюкзак такой. Будто с самого начала так и собиралась уйти со мной, еще до того, как мы встретились.

– Што ж, – сказал я, когда она опять уставилась на меня. – Надо понимать, мы готовы.

Но с места никто не двинулся.

Я оглянулся на ее ма и па. Она тоже туда посмотрела, но только на секунду. Я хотел ей што-нибудь сказать, што-то еще, но чего тут скажешь... Я даже рот раскрыть успел, но она полезла в мешок – искала, наверное, как почтить память своих или жест какой памятный сделать, не знаю... но вынула она всего лишь фонарик. Включила – ага, так она все-таки *знает*, как они работают! – и просто пошла. Ко мне, мимо меня и дальше, словно мы уже вышли в путь и... ну, идем.

Как будто ее ма и па не лежат вон там мертвые.

Я проводил ее глазами.

– Эй!

Она оглянулась.

– Не туда, – я ткнул пальцем влево. – Вон туда.

И сам пошел куда надо, Мэнчи – за мной, а она – за ним (я специально посмотрел). Еще я посмотрел на останки крушения, мне ужасно хотелось задержаться, обыскать их – вдруг там еще чего полезного осталось, – но, черт, нам и правда надо отсюда убираться, хотя кругом ночь, да только все равно никто не спит, так што просто надо взять и идти.

Ну, мы и пошли, поглядывая на горизонт через прогалины

между деревьями и в целом держа направление к той ложбине между ближней горой и двумя дальними. Обе луны уже перевалили за половину, небо было ясное – и то спасибо, хоть немного света под глухим болотным пологом, почти в полной темноте.

– Ушки на макушке, – приказал я Мэнчи.

– Зачем? – бухнул тот.

– Штобы на нас никто не напал, дубина.

Бегать по темному болоту в ночи не получится, так што мы просто шли – но быстро, как только могли; я светил фонарем вперед, огибая корни и стараясь не слишком ломиться в грязь. Мэнчи скакал впереди, то и дело возвращаясь, нюхал, иногда гавкал, но так, ничего серьезного. Девочка поспевала за нами, не отставала, но и слишком близко не подходила. Што хорошо, так как мой Шум хоть и почти молчит – никогда еще за весь день он не был таким тихим, – ее тишина все равно давит, стоит ей оказаться достаточно близко.

Странно, што она не стала ничего делать с ма и па перед уходом, правда? Не плакала, не подошла последний раз, вообще ничего. Ну што, разве я не прав? Я-то што угодно бы отдал, только б увидеть еще разок Бена, и Киллиана вообще-то тоже, даже если бы они... Ну, в общем, если они еще есть.

– Бен, – сказал у колена Мэнчи.

– Знаю, – я почесал его промеж ушей.

Мы шли.

Я бы их похоронил, если уж пришлось бы. Я бы хотел хоть *што-нибудь* сделать, все равно што. Я даже встал и оглянулся посмотреть на девочку, но лицо у нее было все такое же, как всегда. Может, это потому, што у нее родители погибли и она так пришиблена, што даже говорить не может? Или потому, што ее Аарон нашел? Потому што она не отсюда, а из какого-то совсем другого места?

Неужели она ничего не чувствует? Может, у нее унутри ничего и нет, совсем пусто?

Она смотрела на меня, ждала, когда я снова пойду. Секунду спустя я таки пошел.

Часы. Много часов красться в тишине и темноте. Быстро. Часами. Кто его знает, сколько нам еще идти, и в правильную ли сторону мы идем, и вообще. Часы. Время от времени я слышал Шум какой-то ночной твари. Болотные совы ухали и тихо падали сверху, небось на короткохвостых мышей – у этих Шум такой тихонький, што он даже почти и не язык; но в основном я слышал быстро гаснущий Шум осторожных съедобных тварей, улепетывавших подальше от нашего топота и треска, – мало ли кто там ломится чрез болото в ночи и чего ему надо.

Но самое странное, што позади до сих пор нету ни звука; никто за нами не гонится, ни Шума, ни ветка не хрустнет, ничего. Может, Бен с Киллианом и правда стряхнули их со следа. Может, причина моего бегства... не так уж и важна. Может, даже...

Девочка остановилась вытащить завязший в грязи ботинок.

Ну да. Девочка.

Нет. Они точно идут за нами. Единственное, што возможно, ждут дня, штобы нагнать быстрее.

Так мы и шли вперед и вперед, уставали все больше, остановились только разок, штобы пописать в кустах по очереди. Я достал из рюкзака што-то из Беновых припасов и выдал каждому по чуть-чуть, раз уж теперь мой черед.

А потом мы опять шли и шли.

Но где-то перед рассветом настал-таки час, когда идти уже больше не вышло.

– Мы должны сделать привал, – сказал я, бросая рюкзак под дерево. – Надо отдохнуть.

Девочка бросила мешок у другого дерева – долго ее уговаривать не пришлось, – и мы оба просто типа как рухнули наземь, спиной на багаж, как на подушку.

– Пять минут, – пробормотал я; Мэнчи брякнулся у моей ноги, свернулся и мгновенно закрыл глаза. – Только пять минут, – сказал я девочке (она как раз вытаскивала из мешка одеялко, штобы накрыться). – Эй, не устраивайся там слишком уютно.

Надо идти дальше, это как бы без вопрошаний. Я только глаза прикрою на минутку... на две, отдохнуть же немножко надо, а потом мы пойдем, еще быстрее прежнего.

Но без отдыха-то никак.

Я их тут же открыл, только солнце было уже высоко. Ну ладно, *высоковато*. Но уж точно совсем встало.

Вот черт. Мы минимум час потеряли, а может, и все два. Дальше я наконец понял, што меня разбудило. Шум.

Паника. Люди уже идут за нами, вот-вот найдут. Я вско-чил на ноги...

...и увидел, што это никакой не человек. Это жубёр. Вы-высается над нами всеми тремями.

Еда? – сказал его Шум.

Вот так я и знал, што никуда они с болота не делись.

Оттуда, где спала девочка, донесся тихий ох. Кажется, там уже не спали. Кассор повернулся поглядеть на нее. Тут уже спохватился Мэнчи, вскочил, разбрехался: «Взять! Взять! Взять!» – и длинная жубёрья шея качнулась обратно в нашу сторону.

Представьте самую громадную на свете птицу, такую большую, што уже даже летать толком не может, футов десять-двенадцать ростом, да еще и с длиннющей изгибистой шей – в общем, здоровенная, мало не покажется. Перья у нее еще есть, но выглядят уже почти как мех, а крылья мало на што годятся – ну, разве только оглушить еще живую еду. Но беречься на самом деле следует ног. Ноги у нее длинные, тебе по грудь в высоту, и с когтями, которые запросто могут прикончить, если не побережешься.

– Не бойся, – сказал я через плечо девочке. – Вообще-то они дружелюбные.

Потому што они и правда дружелюбные. Ну, или так считается. Кормятся в основном грызунами, а лягаются, только если на них напасть, ну а если не нападать – так, по крайней мере, говорил Бен, – то они очень милые и туповатые и дают себя покормить. А еще они очень вкусные, и первые поселенцы Прентисстауна так на них охотились, што ко времени моего рождения на мили вокруг не осталось ни одного жубра. Еще одна штука, которую я до сих пор видел только в видаке или в Шуме.

Вот так они и расширяются, горизонты.

– Взять! Взять! – Мэнчи тем временем нарезал вокруг птицы круги.

– Не трогай его! – крикнул я.

Шея жубра тоже крутилась и моталась, точно ожившая лоза: птица следила за Мэнчи, как кошка – за жуком. *Еда?* – продолжал интересоваться Шум.

– Не еда, – твердо сказал я, и шея обратилась ко мне.

Еда?

– Нет, не еда, – отрезал я. – Просто собака.

Собака? – подумал Шум, и шея опять принялась кружить за псом – теперь уже стараясь тюкнуть клювом. Клюв у них не страшный – ну, ущипнет, как гусь, разве што, но у Мэнчи на этот счет было другое мнение: он скакал, уворачивался и лаял без передыху.

Я засмеялся – очень это все было смешно.

И тут раздался еще смешок, уже не мой. Я оглянулся. Де-

вочка стояла у своего дерева, смотрела, как глупая псина носится вокруг исполинской птицы, и смеялась. Она улыбалась!

Увидела, што я смотрю, и тут же перестала.

Еда? – услышал я и обнаружил, што жубёр уже засунул клюв ко мне в рюкзак.

– Эй! – Я стал отгонять его всяким «кыш-кыш».

Еда?

– На тебе! – я выудил маленький кусочек сыра, который Бен завернул в тряпочку.

Жубёр понюхал, клюнул, подцепил и заглотнул; шея пошла длинными волнами, пока он глотал. Пощелкал немного клювом, как человек почмокал бы губами, съев што-то вкусное, но тут шея заволнилась обратно, и с громким ёком кусок сыра полетел обратно в меня, весь в слюнях, но практически целый. Даже в щеку попал и оставил полосу слюней поперек всей рожи.

Еда? – грустно сказал жубёр и побрел обратно в болото, словно ничего интересного в нас больше не осталось.

– Взять! Взять! – заорал ему в спину Мэнчи, но преследовать не стал.

Я рукавом вытер слизь с лица и заметил, што девочка, глядя на меня, улыбается.

– Думаешь, это смешно? – буркнул я, и она сделала вид, што нет, но улыбаться на самом деле продолжила.

Затем отвернулась и подобрала мешок.

– Так. – Я снова взял происходящее под контроль. – Мы слишком долго спали. Надо идти.

И мы снова пошли, не разговаривая и не улыбаясь. Почва стала колдобистой и суше, деревья малость расступились, то и дело обливая нас солнцем. Через какое-то время мы выбрались на полянку – прямо-таки маленькое поле, а за ним – невысокий пригорок, высотой до верхушек деревьев. На него мы взобрались и там чуток отдохнули. Девочка достала еще пакет этих непонятных фруктов. Завтрак. Так и поели, стоя.

Сверху, над деревьями, дорогу было видно лучше. Большая гора – вон она, прямо на горизонте, две поменьше – поодаль, за дымкой.

– Мы идем вон туда, – я показал пальцем. – Ну, то есть я думаю, што нам туда.

Она отложила пакет и полезла в рюкзак. И представьте, вытащила самый прехорошенький бинокль, какой я только в жизни видел. Мой старый, дома, который много лет назад сломался, в сравнении с этим – просто хлам. Она поднесла его к глазам, посмотрела, потом протянула мне.

Я взял и наставил его в ту сторону, куда мы шли. Ух ты, все *так четко!* Впереди простирался зеленый лес, скользил отлого книзу прямо в настоящие долины, а дальше превращался в самую настоящую землю, а не в какую грязную болотину, и даже видно, где топкие луга становятся обратно рекой, которая нарезает все более глубокие ущелья, подползая к горам. Если прислушаться, можно уловить, как она шу-

мит. Я смотрел и смотрел, но никакого поселения не видел. Но кто его знает, што там за этими отрогами и излучинами? Кто знает, што там, впереди?

Я и назад посмотрел, туда, откуда мы пришли, но утро еще раннее, и большую часть болота не видно из-за тумана – все прячет, ничего не выдает.

– Славный какой, – я протянул ей обратно бинок.

Она убрала его в мешок, и мы еще немного постояли, жуя.

Между нами где-то длина руки была, но ее тишина все еще не давала мне покоя. Я глодал сушеный фрукт и раздумывал, каково это – вообще не иметь никакого Шума, прийти из мест, где Шума нет... Што это за места? Они прекрасные? Отвратительные?

Вот представьте, што вы стоите на вершине холма с человеком, у которого нет Шума. Это как будто вы там один? Как поделиться? И вообще вы бы так хотели? Я хочу сказать, вот они мы, девочка и я, только выбрались из одной опасности и, возможно, лезем в другую, в неизвестное во всяком случае, и никакого общего Шума кругом, ништо тебе не говорит, што другой думает. Вот так оно все и должно, што ли, быть?

Я доел фрукты и смял пакетик. Она протянула руку, взяла и засунула мусор обратно в мешок. Ни слова, ни мысли, только мой Шум и большое сплошное ничего с ее стороны.

Неужто вот так и мои ма и па общались, когда только прилетели сюда? Што же, выходит, во всем Новом свете раньше царила тишина?

Я резко поднял на нее глаза. Раньше. Ох, нет...

Какой же я дурень.

Чертов идиотский дурень.

У нее же нет Шума. И она сама с корабля. А это означает, што она явилась из мест, где Шума нет, само собой, *тупица ты чертов*.

Это означает, што она совсем недавно приземлилась и пока не словила Шумовую заразу.

Это означает, што, когда она ее поймает, та сделает с ней то же, што и со всеми остальными женщинами.

Убьет ее.

И вот я гляжу на нее и на солнце, а солнце глядит на нас, и глаза у нее делаются все шире и шире, пока я все это думаю, и тут я понимаю еще одну глупейшую, очевиднейшую вещь.

То, што я не слышу от нее никакого Шума, не обязательно означает, што и она моего не слышит.

Книга без ответов

– Нет! – быстро сказал я. – Не слушай! Это ошибка! Я ошибся! Все не так!

Но она уже пятилась от меня, уронив свой пустой пакетик от сушеных фруктов, а глаза все расширялись.

– Нет, не надо...

Я шагнул к ней, но она еще быстрее отскочила; мешок упал на землю.

– Все не... – начал я, но што тут скажешь? – Я не прав. Я ошибся. Я про другого человека думал.

Ничего глупее и придумать было нельзя, потому што она же слышит мой Шум. Ведь слышит? Она видела, как я изо всех сил пытаюсь придумать, што сказать, и получается дикая неразбериха, но она в ней везде, это видно, и я сейчас уже точно знаю: ежели што вылетело в мир, обратно его уже не вернуть.

Черт. Черт его все раздери через преисподнюю направо и налево!

– Черт! – добавил от себя Мэнчи.

– Почему ты не СКАЗАЛА, што слышишь меня? – возопил я, забыв, што она вообще ничего не сказала, ни слова, с самой нашей встречи.

Она еще попятилась, закрыла рукой рот, а в глазах –

сплошные безмолвные знаки вопрошаний.

Я попробовал придумать што-нибудь, што угодно, только бы все исправить, но в голову ничего не пришло. Один Шум, а в нем – смерть и отчаяние, смерть и отчаяние.

Она повернулась и побежала, назад, вниз с холма, прочь от меня, быстро, со всех ног. Вот дерьмо.

– Подожди! – заорал я, пускаясь вдогонку.

Она мчалась той же дорогой, которой мы пришли, чрез полянку, в чашу, но я висел у нее на хвосте, а Мэнчи – у меня.

– Стой! – кричал я ей в спину. – погоди!

Но с какой стати ей ждать? Назовите хоть одну причину ей ждать меня.

А надо сказать, она просто поразительно быстро бежит, когда хочет.

– Мэнчи! – крикнул я, и он меня понял, и стрелой кинулся на обгон. Не то чтобы я рисковал ее потерять – не больше, чем она меня. Мой оглушительный Шум летел за ней вдогонку, а ее столь же оглушительная тишина маячила впереди – даже сейчас, даже зная, што может умереть, она все равно была нема, как могила.

– Подожди! – я запнулся за какой-то корень и приземлился на оба локтя, отчего вся боль, какая у меня только была, што в лице, што в теле, тут же встрепенулась и сказала: «Да, кстати...» – но надо было встать, надо было встать и бежать за ней, дальше.

– Черт!!

– Тодд! – отозвался Мэнчи где-то впереди, отсюда не видно.

Я похромал на голос, обогнул большую кучу кустов и нашел ее.

Она сидела на большом плоском камне, торчащем из земли, прижав колени к груди, и качалась взад и вперед, а глаза – широкие и пустые, как всегда.

– Тодд! – гавкнул снова Мэнчи, завидев меня, вскочил на камень и встал там, обняв ее.

– Оставь ее в покое, Мэнчи! – приказал я, но он не оставил.

Пес обнюхал ей лицо, лизнул пару раз, сел рядом и прислонился к боку. А она все качалась.

– Слушай, – сказал я, отдуваясь и понимая, што дальше мне говорить нечего. – Слушай... – повторил я, но на этом мысль и закончилась.

Я просто стоял, пыхтел, молчал, а она раскачивалась и раскачивалась, пока мне ничего другого не осталось, кроме как взобраться туда же, на каменюку, самому, держась, конечно, поодаль – из уважения, ну и для безопасности тоже. В общем, я и взобрался. Она качалась, я сидел и думал, а дальше-то што.

Прошло довольно много минут. Хороших таких, полезных минут, когда нам давно пора было идти, но мы никуда не шли, а кругом наступал болотный день.

Но наконец мне в голову пришла мысль. Да, еще одна.

– Я, возможно, и не прав, – сказал я то, о чем прямо сейчас и подумал. – Я могу и ошибаться, понимаешь? – Я повернулся к ней и затараторил: – Мне ввали буквально про все, ты можешь обыскать мой Шум, если хочешь убедиться, што это правда. – Я встал, продолжая говорить: – Мне говорили, што нет больше никаких других поселений. Што Прентисстаун – последний на всей этой идиотской планете. Но на карте есть это другое место! Так што, возможно...

Я думал, думал, думал.

– Возможно, микроб был только в Прентисстауне, а раз ты в городе не была, может, ты и в безопасности. Может быть, все хорошо, потому што я точно ничего от тебя не слышу, никакого Шума, и с виду ты совсем не больная. Может быть, все с тобой в порядке.

Она все еще качалась, но уже смотрела на меня. Понятия не имею, о чем она там себе думала. «Может быть» – наверное, не такое уж утешительное слово, особенно когда дальше идет: «Может быть, ты и не умираешь».

Я держал для нее Шум открытым, настолько ясно и свободно, насколько мог, а сам продолжал думать дальше. «Возможно, мы все подхватили микроб, и... и... и... да! – Это была уже следующая мысль и притом хорошая. – Может быть, мы изолировались, штобы то, другое поселение тоже его не подхватило! Да, наверняка так и было! И раз ты все время сидела на болоте, значит, ты в безопасности!»

Она перестала так уж сильно качаться и только смотрела – возможно, верила?

Но дальше, как настоящий записной дурачина, не знающий, когда уже хватит, я продолжил думать. Ведь если правда, што Прентисстаун прекратил все контакты с окружающим миром, там, в другом поселении будут совсем не рады, если я вот так возьму и заявлюсь к ним! Может, это не мы, а другое поселение изолировалось, потому што Прентисстаун был реально заразный?

И если вообще можно подцепить Шум от другого человека, значит, и девочка может подцепить его от меня?

– О черт, – сказал я, согнувшись впополам и уперевшись руками в колени; унутри такое чувство, будто падаешь, хотя на самом деле стоишь. – О черт.

Девочка снова вцепилась себе в плечи, скукожилась, и вот вам, пожалуйста, мы вернулись туда, с чего начали.

Это нечестно. Вот как хотите, но это нечестно, совсем. *Ты поймешь, што делать, когда доберешься до болот, Тодд. Ты все поймешь.* Ага, уже понял, спасибо, Бен, за всю твою помощь спасибо и за заботу тоже, потому што вот он я, и я понятия не имею, што делать дальше. Нечестно! Вышибли из дома, поколотили... Люди, говорившие, што любят меня, всю дорогу врал... Тащись теперь по идиотской карте в город, про который я первый раз слышу, читай идиотскую книгу – как хочешь, так и читай... Так, стоп. Книга.

Я скинул рюкзак, вытащил книгу. Бен сказал, ответы все

там – вдруг хоть здесь не соврал. Хотя...

Ладно, я вздохнул и открыл ее. Тетрадь вся исписана, сплошные слова, все почерком ма, страницы, страницы, страницы, и я...

Так, хорошо. Я опять взялся за карту, на обороте которой Бен чего-то написал – хоть не при фонарике посмотреть, он на самом деле для чтения ни разу не годится. Несколько строчек в самом верху. Сначала «иди» – это точно первое слово, ага; дальше парочка других, подлиннее, которые у меня решительно нет времени разбирать по буквам, а потом еще несколько больших абзацев, с которыми мне уж точно некогда возиться, но пониже Бен там чего-то наподчеркивал, сразу несколько слов подряд.

Я посмотрел на девочку (качается) и повернулся к ней на всякий случай спиной.

Ну, што ж, поглядим. Т...ы, наверняка «ты». Ты. Ладно, я – што? Л. Лооо... Лооожить? Ложишь? Ты ложишь... Ты ложил? Какого черта это должно значить? Пе... ре... Переть... Переть? Ы... Или не ы?... Ых? Ты ложишь переть ых? Их? Ну конечно, их, дубина!

Но ты ложишь переть их?

Каково?

Помните, я говорил, как Бен пытался научить меня читать? А што я не слишком в этом дока, помните? Ладно, проехали. Ты ложишь переть их. Дубина!

Я схватился за книгу, пролистнул страницы. Десятки

страниц, просто десятки, и все в словах, сверху донизу, и все ничего мне не говорят, никаких ответов вообще.

Чертова етьская книга!

Я сунул обратно карту, захлопнул обложку и швырнул книгу об землю. Тупица! Дурень!

– Чертовая етьская книга! – на этот раз вслух выдал я и пинком отправил ее в какие-то папоротники, повернулся к девочке.

Она все так же качалась, взад-вперед, взад-вперед, да понятно все, понятно, *понятно*, я сказал, но меня это уже начинало выбешивать. Потому што это, еть, тупик, и мне больше нечего ей дать, а она и подавно ничего в ответ не дает.

Мой Шум пошел треском.

– Я, знаешь ли, ничего этого не просил, – сказал я; она даже глаз на меня не подняла. – Эй! Я с тобой разговариваю!

Ничего. Ничего, ничего. Ноль реакции.

– Я НЕ ЗНАЮ, ШТО МНЕ ДЕЛАТЬ! – заорал я в голос и принялся топтать кругом по камню, вопя и ссаживая себе горло. – Я НЕ ЗНАЮ, ШТО МНЕ ДЕЛАТЬ! Я НЕ ЗНАЮ, ШТО МНЕ ДЕЛАТЬ! – Я повернулся к ней: – Мне ЖАЛЬ, мне ужасно жаль, што с тобой все это случилось, но я не знаю, што теперь с этим поделать! И ПЕРЕ-СТАНЬ УЖЕ НАХРЕН КАЧАТЬСЯ!

– Орешь, Тодд, – заметил Мэнчи.

– Аааааарррргхх! – Я даже лицо руками закрыл.

Потом открыл: нет, к сожалению, ничего не изменилось.

Вот, значит, как это бывает, когда тебя выкинули из дома и разбирайся сам, как знаешь. Никто для тебя ничего не станет делать. Если ты сам ничего не изменишь, ничего и не изменится.

– Нам надо идти, – свирепо бросил я, берясь за рюкзак. – Пока што ты ничего не подцепила, так што просто держись от меня на расстоянии и будешь в порядке. Больше я ничего не знаю. Што имеем, то имеем. Пошли.

Кач, кач, кач.

– Назад мы пойти не можем, значит, пойдем вперед, без вариантов.

Качается, ага.

– Я ЗНАЮ, што ты меня СЛЫШИШЬ! – Но нет, даже глазом не моргнула.

Ух, как же оно все на меня навалилось.

– Отлично. Хочешь сидеть здесь и качаться – сиди и качайся. Кому какое дело? Кому вообще, еть, какое дело до всего этого?

На земле валялась книга. Чертова штуковина. Но больше у меня все равно ничего нет, так што я подобрал ее, сунул в пластиковый пакет, пакет – в рюкзак, а рюкзак – на спину.

– Пошли, Мэнчи!

– Тодд? – Он смотрел то на меня, то на девчонку. – Нельзя уйти, Тодд!

– Если захочет, пойдет с нами, – отрезал я. – Но...

Ох, даже не знаю, што там могло быть за «но». Но если

хочет, пусть остается здесь и помирает в одиночестве? Но если хочет, пусть идет назад, прямо в лапы мистеру Прентиссу-младшему? Но если хочет, пусть рискует подхватить от меня Шум и умереть таким способом?

Чертов идиотский мир.

– Эй, – сказал я, постаравшись сделать голос помягче, только проку в этом все равно никакого не было, потому што Шум у меня ревел и бушевал. – Ты помнишь, куда мы шли? К реке и между гор. Вот так и иди, пока не дойдешь до города, поняла?

Может, слышала, может, нет, кто ее разберет.

– Я буду за тобой присматривать. Понимаю, што ты не хочешь ко мне приближаться, но я буду за тобой присматривать.

Постоял еще минутку – посмотреть, усвоилось оно или как.

– Ладно, – сказал наконец. – Приятно было познакомиться.

И пошел прочь. У купы кустов оглянулся – дать ей еще один шанс. Ничего не изменилось. Качается себе и качается.

Ну, так, значит, так. Я зашагал дальше, Мэнчи, неохотно, по пятам, оглядываясь на каждом шагу и даже между ними и непрерывно гундося:

– Тодд! Тодд! Уходим, Тодд? Тодд! Нельзя уходить, Тодд! – Тут, я его наконец шлепнул. – Ой, Тодд?

– Не знаю, Мэнчи, так што давай без вопрошаний.

Мы вышли из чащи на сухую землю, к полянке, и дальше, на пригорок, где только недавно завтракали и любовались прекрасным днем, и мне пришло в голову блестящее умозаключение про ее смерть.

Пригорок, где на земле так и валялся ее мешок.

– О, черrrrrрт!

Секунду я таращился на него. Час от часу не легче, да? Што мне теперь тащить его ей, назад? Может, сама найдет? Или так для нее будет только еще опаснее? Или опаснее будет *наоборот*?

Солнце уже целиком выкатилось на небо, а небо стало синее, как свежее мясо. Я упер руки в боки и окинул округу долгим взглядом, как делают мужчины, когда думают. Поглядел на горизонт, на дорогу, которой мы пришли, на туман, по большей части уже выжженный утром, и весь болотный лес, купающийся в солнечном свете. Отсюда, с пригорка, видать далеко, аж дотуда, откуда мы прошли пешком, ног под собой не чуя. В ясную погоду и с парой хороших биноклов отсюда наверняка и город можно разглядеть. Хороших биноклов, говорите?

Мешок на земле валяется, говорите?

Я уже руку протянул к нему, когда в воздухе вроде бы што-то пронеслось. Вроде шепот. Мой Шум так и взвился – уж не девчонка ли решила все-таки взяться за ум? Чуть не испытал при этом облегчение – больше, чем сам хотел бы признать.

Но нет, никакая это не девчонка. А вот опять. Шепот. И не один. Словно ветер принес чьи-то слова.

– Тодд? – Мэнчи усиленно нюхал воздух.

Я сощурился против света и попытался разглядеть, што там творится в болоте.

Есть што? Или нет?

Схватив мешок, я принялся лихорадочно искать бинок. Куча какого-то аккуратно упакованного мелкого барахла... но вот и он, схватить и скорее смотреть.

Болото... просто болото, верхушки деревьев, прогалины, лужи, река вон постепенно вспоминает, кто она такая... На биноке всюду какие-то мелкие кнопки – я нажал одну, потом другую: оказалось, картинку можно еще приблизить. Приблизил, потом еще, вон он, снова шепот. Теперь точно он.

Так, вон дыра в кронах, канава, пропоротая кораблем, вон обломки, но там все по-старому. Стоп. Неужто движение? Я посмотрел поверх биноков, потом опять в них, поближе к нам на сей раз, где вон деревья рябят.

Это же просто ветер, да?

Я водил биноком туда и сюда, жал кнопки, приближал, удалял, но все время возвращался к тем качающимся деревьям. Так, теперь вот сюда, где овраг, на полпути между ними и мной.

Смотрим здесь.

Я смотрел и смотрел, и в животе у меня так все и крутило,

потому што, кажется, я слышал шепот, а может, и не слышал, но все равно смотрел, пока эта рябь по деревьям не добралась до открытого места, а из-за деревьев не показался мэр собственной персоной, на лошади, а за ним еще куча народу и тоже верхами.

И ехали они все напрямиком к нам.

12

Мост

МЭР. Не сын его какой-нибудь – сам мэр. В своей чистой шляпе, с чистым лицом, в чистой одежде, сияющих ботинках и с прямой спиной. В Прентисстауне его не то чтобы часто видят в последнее время, если только вы не из его ближнего круга, но коли все-таки видят, он всегда выглядит вот так, даже чрез пару биноклов. Будто он знает, как содержать себя на уровне, а вы – ясное дело, нет.

Я еще защелкал кнопками, пока не приблизил так, што дальше некуда. Пятеро, нет, шестеро мужчин – тех, што занимаются этими их дикими упражнениями у мэра в доме: *я емь круг, и круг есть я...* Мистер Коллинз, мистер Макинерни, мистер О’Хеа и мистер Морган, все на лошадях, само по себе редкое зрелище, потому как лошадей в Новом свете нелегко сохранять в живых и личный табун мистера Прентисса охраняет целая банда мужчин с ружьями.

И конечно, мистер чертов Прентисс-младший едет рядышком с отцом, щеголяет фингалом там, куда засветил ему Киллиан. И на том спасибо.

Но это значит, што на ферме все кончено. Што бы ни случилось с Беном и Киллианом, с ними всё. Я опустил бинок и попытался это проглотить. Вышло плохо.

Бинок к глазам. Группа остановилась и стала переговаривать-

ваться, разглядывая большущий лист бумаги, – вот, у кого-то же есть карта получше – и...

Нет.

Чертов етский нет, шутите, што ли? Аарон.

Из чащи следом за ними пешком вышел Аарон.

Чертов вонючий идиотский етский шлепанный Аарон.

Голова – клубок бинтов, но вот тебе, шагает малость позади кавалькады, руками машет, рот разевает – проповедует не иначе, хоть никто вроде бы и не слушает.

КАК? Как эта скотина вообще выжила? Сдохнет он уже когда-нибудь или нет?

Это все я виноват. Моя идиотская етская вина, потому што я трус, слабак и дурень, коль скоро Аарон жив и ведет мэра чрез болото по нашим следам. Потому што я его не убил, и он теперь тащится убивать нас.

Мне стало дурно. Согнулся впополам и за живот схватился, даже застонал чутка. В крови так вскипело, што Мэнчи от меня аж попятился.

– Это все я виноват, Мэнчи, – сказал я ему. – Я это сделал.

– Ты виноват, – смущенно брякнул он. Явно повторял за мной, но как же к месту, а?

Я заставил себя снова уткнуться в бинокль и увидел, как мэр подозвал Аарона к себе. С тех пор как люди стали слышать мысли животных, Аарон всех их считает нечистыми и близко к ним не подходит, так што мэру пришлось повторить пару раз, но наконец Аарон подошел глядеть на карту. Мэр спра-

шивал, Аарон слушал.

А потом поднял голову и посмотрел.

Через болотные заросли, через небо,
прямо на вершину холма,
прямо на меня.

Нет, он меня видеть не мог никак, правда же? Разве только в такой вот možный бинок, а таких ни у кого больше не было. Я вообще ничего подобного в Прентисстауне никогда не видал. Не мог он меня видеть.

Но он безжалостно поднял руку и показал, показал, ткнул ею прямо в меня, словно я от него через стол сижу, напротив.

Я даже подумать еще не успел, а уже бежал, назад бежал, вниз по холму, назад к девочке, как мог быстро бежал, на ходу доставая из-за спины нож, а Мэнчи, вопя во всю глотку, за мной по пятам. В чашу и вниз, и вокруг той большой купы кустов... и она все так же сидела на камне, но хоть глаза подняла, когда на нее выбежал.

– Пошли! – я схватил ее за руку. – Скорее, надо уходить!

Она попыталась было вырваться, но я не отпускал.

– Нет! – крикнул. – Уходить! СЕЙЧАС ЖЕ!

Она принялась дубасить меня кулачками, пару раз по физиономии попала.

Но я все равно не отпускал.

– СЛУШАЙ! – и я вывалил на нее весь свой Шум, открыл его нараспашку.

Она еще раз мне двинула, но через мгновение уже смот-

рела, смотрела в мой Шум как он есть, на картину того, што ждало на болотах. Ждало, как же! Што упорно к нам подбиралось... Аарон, который все никак не сдохнет, напрягающий все свои извилины, штобы найти нас, и пришедший на сей раз с верховыми, с людьми, и их много, и они гораздо быстрее нас.

У нее аж вся мордочка сморщилась, словно ей стало вдруг очень больно; она и рот раскрыла, будто вот-вот закричит, но только ничего из него все равно не вышло. Так и не вышло. Никакого Шума, ни звука, ничего вообще.

Не понимаю.

– Не знаю, што там, впереди, – сказал я ей, – я вообще ничего ни о чем не знаю, но што бы там ни было, оно все равно лучше, чем то, што позади. По-любому.

Она слушала, и лицо у нее изменилось – расчистилось почти опять до пустоты, и губы она сжала.

– Идти! Идти! Идти! – разорвался Мэнчи.

Она протянула руку за сумкой, взяла, встала, положила бинокль унотрь, сумку на плечо повесила и прямо в глаза мне поглядела.

– Ну, стало быть, ладно, – подытожил я.

И во второй раз за два дня кинулся опрометью к реке, с Мэнчи на хвосте, но на этот раз еще и девчонка не отставала.

На самом деле – обгоняла, и так почти все время – очень уж она быстрая оказалась.

Вверх по холму и вниз – с другой его стороны. Остатки

болота на глазах сменялись нормальным лесом. Земля стала куда тверже и для бега пригодней и клонилась, на счастье, вниз, а не вверх – хоть какая-то удача за все последнее время. Слева уже то и дело проглядывала река. Рюкзак молотил меня по спине, да и воздуха уже едва хватало.

Но нож свой я из руки не выпускал.

Клянусь. Клянусь перед богом или перед кем там угодно еще, прямо щас вот клянусь. Если мне удастся еще хоть раз дотянуться до Аарона, я его убью. Никаких колебаний. Без вариантов. Убью. Обещаю.

Я его прикончу.

Я его ушлепаю нахрен совсем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.